

Буте Ф.

ДВОЙНИК
ПУТЕШЕСТВИЕ ЮЛИУСА ПИНГВИНА
ПОВЕСТЬ О ДИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Фредерик Буте

**Двойник. Путешествие
Юлиуса Пингвина. Повесть
о Диком Человеке (сборник)**

«Алгоритм»

1921, 1902

УДК 821.133.1
ББК ББК

Буте Ф.

Двойник. Путешествие Юлиуса Пингвина. Повесть о
Диком Человеке (сборник) / Ф. Буте — «Алгоритм»,
1921,1902 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-501-00072-8

Фредерик Буте (1874–1941) – французский писатель, автор множества остросюжетных приключенческих книг; кроме того, значительная часть его произведений содержит фантастическую фабулу, во многих присутствуют мистические мотивы, что позволяет причислить их к жанру «черной» фантастики, или *macabre science fiction*, являющемуся ответвлением другого, более широкого литературного жанра, носящего название *fantasy*. Клод Меркер, герой романа «Двойник», – перспективный молодой политик, уже министр, которому все вокруг прочат блестящую карьеру и безоблачное будущее. Но такое существование требует чрезмерного напряжения сил, и приводит к стрессам. Поэтому он с радостью ухватился за удивительное предложение незнакомца, похожего на Меркера как две капли воды, и способного подменить его в любых делах. Но вот незадача: любимая женщина не делится надвое. Один из героев должен уйти со сцены... В итоге так и случилось. Убийство или несчастный случай? И главное – кто из них? В книгу также включены два коротких приключенческих романа, написанных в стиле гротеска.

УДК 821.133.1

ББК ББК

ISBN 978-5-501-00072-8

© Буте Ф., 1921,1902
© Алгоритм, 1921,1902

Содержание

Двойник	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	22
Глава IV	27
Глава V	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фредерик Буте

Двойник. Путешествие Юлиуса Пингвина. Повесть о Диком Человеке

Двойник

Глава I Зеленые чернила

Клод Меркер сидел один и работал. Пробежав глазами очередной доклад и сделав краткие пометки синим карандашом, он встал с кресла и прошел несколько шагов по громадному кабинету; затем подошел к одному из окон и с минуту полубессознательно смотрел на набережную и реку, едва видневшуюся сквозь бледный туман ноябрьского утра. Потом он опять вернулся к письменному столу с кучей писем, адресованных лично ему, и принялся их читать.

Постучали в дверь. Вошел курьер.

– Господин министр, вас хочет видеть доктор Вотье.

Меркер поднял голову.

– Просите сюда! – приказал он со свойственным ему резким, авторитетным тоном.

Курьер немедленно исполнил приказание. Меркер пошел навстречу посетителю с такой дружеской поспешностью, с какой он не встречал никого другого.

Доктор Вотье был его школьным товарищем и одного возраста с ним. Но доктору, высокому, худому, с бледным лицом, изборожденным на лбу и на щеках глубокими морщинами, с поредевшими на висках и поседевшими волосами, на вид было лет сорок пять; а Меркеру нельзя было дать больше тридцати восьми. Он был широкоплеч, белокурые волосы зачесывал назад, светлые усы подстригал коротко; энергичный орлиный профиль, правильные черты лица, темные глаза, зажигавшиеся блеском из-под светлых густых бровей, привлекали внимание. Они пожали друг другу руку с фамильярным и настоящим радушием, как давние искренние друзья.

– Как поживаешь? Я не мешаю тебе? – спросил Вотье.

– Ты отлично знаешь, что никогда не можешь помешать мне! Садись. Отчего ты с понедельника не приходил?

– У меня много дел. Ты же знаешь, что я один из делегатов на конгресс в Америке, а он начинается через два месяца. Мне надо закончить работу, отредактировать доклады. Разве забыл? Ты же сам устроил, чтобы меня выбрали на этот конгресс, хотя другие профессора Медицинской академии и старше меня...

– Нет надобности быть восьмидесятилетним, чтобы считаться одним из светил французской науки, – сказал Меркер. – Ты отлично знаешь, что я говорю тебе то, что думаю... и что есть на самом деле. Итак, когда же ты уезжаешь и сколько времени проведешь там?

– Я уезжаю через семь недель и буду в отсутствие месяца четыре или пять. После конгресса я хочу поехать на некоторое время к Каррелю.

– Долго мы тебя не увидим! – резко сказал Меркер.

– Я могу вернуться сразу после конгресса... Или же совсем не ездить, если ты думаешь, что я тебе буду нужен, – спокойно сказал Вотье.

– То есть ты мне пожертвовал бы поездкой, которая составит эпоху в твоей жизни и которой ты страшно интересуешься?

– Жертва не очень большая. То, что я не скажу там, скажу в другом месте. Научная истина неизбежно выйдет на свет. А кроме того, знаешь, Меркер, я, не колеблясь, могу принести тебе еще более серьезную жертву, чем эта. Не забывай, что если я стал тем, что я есть, то только благодаря тебе. Ведь когда я в девятнадцать лет, студентом первого курса, остался после смерти отца без единого су для продолжения учения... Если бы у меня не было такого друга, как ты... Да, если бы у меня не было этого изумительного, несравненного, невероятного счастья – иметь тебя своим другом... Когда я подумаю, что ты сделал тогда... Для молодого человека это совершенно исключительный поступок: ты делился со мной своими деньгами и каждый месяц давал мне столько, что я мог жить и спокойно работать.

Лицо Вотье задергалось от плохо сдерживаемого волнения. Улыбка смягчила властное лицо Меркера, и в его глазах промелькнуло нежное выражение.

– Не стоит без конца вспоминать то, что мы оба прекрасно знаем, – сказал он. – Тогда у меня денег было больше, чем мне требовалось... И... я, очевидно, умел тогда уже судить о людях, если оценил тебя. Ты всегда был моим лучшим или, вернее говоря, моим единственным другом. Я привык, ты сам знаешь, высказывать громко при тебе все, что приходит мне на ум. Так я сделал и сейчас: конечно, четыре-пять месяцев не видеть тебя, не делиться с тобой мыслями, которые я высказываю только тебе, мне будет не очень приятно.

– И мне тоже, – заметил Вотье. – Поэтому я...

– Ах, нет! Пожалуйста, без глупостей. – Меркер снисходительно засмеялся. – Ты поедешь! Не правда ли? Я этого требую. Я хотел поддразнить тебя, говоря, что ты меня бросаешь, и, конечно, ты мне сразу ответил, что при таких условиях ты остаешься... Дорогой мой, с тобой нельзя пошутить! – И он ласково положил руку на плечо друга.

– Ну хорошо, – сказал Вотье спокойнее. – Я поеду. Только как бы ты не заболел в это время, – продолжал он после короткого молчания.

– Зачем мне болеть? Этого со мной никогда не бывает. У меня прекрасное здоровье, ты это отлично знаешь, ведь ты же сам ухаживаешь за мной, точно за умирающим.

– А у тебя все-таки плохой вид. Ты слишком много работаешь. Почему ты не поручаешь всю эту работу секретарям?

Вотье указал на кучу писем, перед которыми сидел Меркер. Тот пожал плечами:

– Потому, что все решительно надо делать самому. А как только поручишь работу кому-нибудь, так уж наверняка что-нибудь да напутают... О! С самыми лучшими намерениями, от усердия, от старательности или от желания хорошо сделать... Все, что я по лености передаю другим, всегда бывает плохо понято, плохо исполнено. Может быть, это самоуверенность, мания, все, что хочешь, но я доверяю только самому себе. Мне нужно две жизни, чтобы все переделать. Я почти не сплю, никогда не разрешаю себе ни одного часа свободы и с большим трудом справляюсь с ежедневной работой. Это вечное мучение, и оно терзает меня. У меня репутация, и, по-моему, справедливая, неукротимо энергичного человека. Я честолюбив и получил полное удовлетворение своему честолюбию; в сорок лет я – министр; года через два, при первом же случае, я это знаю, я буду президентом совета. То, что я тебе говорю, не хвастовство, а истинная правда. Все это правда, но бывают моменты, когда я чувствую себя раздавленным такой жизнью и малодушно мечтаю хотя бы о кратком отдыхе. Пойми меня, друг мой, – я не живу; я – машина для работы... и для представительства. И это меня угнетает больше всего, прямо не могу сказать тебе как, потому что, в конце концов, представительство не нужно. Понимаешь? Совершенно не нужно! Это – декорация, это – парад, неизбежный, но никчемный... Да, я знаю, я сам создал себе такое существование, но, повторяю: это не значит, собственно говоря, жить. Мне незнакомы такие слова, как: бродить, мечтать, веселиться, жить... Да-да, жить! Я прежде всего должен поддерживать свою репутацию. Для всего мира я –

черствый, суровый, серьезный человек... Это моя репутация, и я во что бы то ни стало должен продолжать быть таким. Я – на виду, я – на вершине, ты знаешь, мне, подобно Наполеону, нельзя позволять себе резких движений... Вот я и скучаю. Неправдоподобно, а? Скучающий Меркер! Что поделаешь, я не каменный, я не бронзовая статуя, несмотря на все, мне иногда очень хотелось бы жить...

Наступило молчание.

– Женись, – сказал вдруг Вотье.

– Разве у меня есть время? Да, я вижу иногда женщин, которые могли бы мне понравиться. Таких мало, но...

– Жильберта Герлиз, например. Она умная, богатая, хорошенькая женщина; ей не больше тридцати. Она овдовела лет пять назад и достаточно знает жизнь...

– Может быть... Но она меня не любит. А мне некогда ни заставить полюбить себя, ни самому полюбить... Да, конечно, она мне нравится. Должен сказать, что она – единственная женщина, которая, мне казалось, не может надоесть хотя бы месяца три после свадьбы... Такие люди, как я, не созданы для брака... Кто хочет работать, тот нуждается в полной независимости. Я должен смириться с этим. Моя жизнь – это честолюбие, карьера, труд. Только... только мне иногда кажется, что именно такая женщина, как она, могла бы помочь мне.

Несколько минут он был задумчив, затем, по своей привычке пожав плечами, как будто говоря: «А, все равно», – закурил папиросу и стал опять распечатывать конверты.

– Прости меня, – сказал он через некоторое время. – Это почти механическая работа, не мешающая мне говорить.

– Встречается что-нибудь интересное?

– Почти никогда. Анонимные письма, разные глупости, необоснованные ходатайства, бред сумасшедшего. И, девять раз из десяти, сведения, интересные с первого взгляда, но которые оказываются ложными.

– Слушай, – сказал вдруг Вотье, – действительно, у тебя очень плохой вид. Если бы я не выслушал тебя дня три-четыре тому назад, я бы сделал это сейчас. Но тогда я успокоился и знаю, что это только переутомление... Поэтому я советую тебе, и советую очень серьезно, спать побольше. Можешь принимать немного стрихнину.

Меркер пожал плечами:

– Если хочешь, я слышал, что это средство подбадривает... Но я великолепно себя чувствую.

Он умолк. У него в руках был обыкновенный желтый конверт, на котором зелеными чернилами, крупным круглым почерком были написаны его адрес, фамилия, а наверху слова, трижды подчеркнутые: «В собственные руки». Он вскрыл конверт, вытащил письмо и просмотрел его.

– Опять, – пробормотал он с легкой улыбкой. – Настойчивый!

– Что это такое?

– Это, возможно, что-нибудь значительное, но вероятнее – это пустяки. На, прочти!

Вотье взял письмо. Оно было написано на бумаге в клетку и так же, как и конверт, зелеными чернилами. Он прочел:

«Господин министр!

Это письмо – третье. Если оно не будет иметь никакого успеха, как и два предыдущих, я буду продолжать писать вам каждую неделю, пока не добьюсь того, чего хочу: увидеться с вами.

Сегодня я опять буду ходить взад и вперед вдоль ограды садика у церкви Сен-Жермен-ле-Пре, на углу площади и улицы Аббэ. Я буду вас ждать от десяти до одиннадцати. Это место достаточно людное, чтобы мысль (как бы невероятна она ни была) о какой-нибудь западне не остановила бы вас, и

оно достаточно глухое для того, чтобы нашей встрече помешали слишком многочисленные прохожие. Напоминаю вам, что на мне будет черная шляпа с опущенными полями и серое, стального цвета пальто с поднятым воротником. Я всеми силами настаиваю, чтобы вы пришли. Не хочу написать в письме то, что я должен вам сказать и что мне кажется очень важным и для вас, и для меня: я уверен, что вы в этом сразу же убедитесь. И поймите, что для меня было бы невозможно действовать иначе, чем я действую сейчас, для того, чтобы встретиться с вами. Я отлично знаю, что эти романтически-детские на вид предосторожности кажутся вам смешными и что назначать неизвестному человеку свидание – нагло, подозрительно и нелепо. И все-таки необходимо, чтобы вы пришли. Повторяю, с первых же минут свидания вы поймете все. Я не могу действовать другим образом; иначе наше свидание будет бесполезным. Уверяю вас: вы должны прийти. Я не обманываю вас и не обманываюсь сам: это очень важно! Вот увидите.

Продолжаю писать вам зелеными чернилами: еще одна моя странность, ребяческая и ненужная. Но этот цвет чернил привлечет ваше внимание, и я надеюсь, что если вы хоть сколько-нибудь заинтересуетесь, то всегда отличите мое письмо и прочтете. Если это не так, то, узнав мое письмо, вы будете сразу бросать его в корзину, не распечатывая. Но насколько всем известен ваш характер, я думаю, что вы прочтете... И уверен, что вы рано или поздно придете. Возможно, что это будет скоро. Зачем терять время? Я даже надеюсь, что это будет сегодня вечером».

Подписи под письмом не было.

Вотье, не говоря ни слова, вернул письмо Меркеру.

– Я пойду сегодня вечером, – вдруг решил тот.

– Вот еще! Что за фантазия, – сказал изумленный Вотье.

– Да, пойду! Уже в прошлый четверг, когда я получил предыдущее, второе, письмо, мне захотелось пойти.

– Но ты рискуешь...

– Чем? У меня, конечно, есть враги, как у всех, и в особенности как у всякого преуспевающего политического деятеля. Но я не знаю, кто бы из моих врагов мог серьезно ненавидеть меня. Это все только соперничество, зависть, обиды... От них могут быть небольшие политические подвохи – и только. Нет, друг мой, я в это не верю. Это не мой стиль. Я не создан для мелодрамы! Допустим самое невозможное, что кто-нибудь ненавидит меня так, что готов покушаться на мою жизнь... Тогда, вместо того, чтобы назначать такое странное свидание, на которое я или не приду совсем, или приду с полным недоверием, такой мой «враг» просто-напросто может меня ждать на улице, когда я выхожу, чтобы пешком идти домой, как я это часто делаю. И зачем... Нет!.. Это невероятно! Кто меня так ненавидит? Почему? Это не имеет ни малейшего основания... Клянусь тебе. Это письмо... В нем что-то другое...

– Может быть, это какой-нибудь шутник дурного тона. Ему хочется доставить себе удовольствие мистифицировать видного политического деятеля, он хочет подшутить над Клодом Меркером. Если это так, то он попытается злоупотребить твоей легковерностью и будет рассказывать тебе небылицы или же спрячется и с восторгом будет следить, как ты гуляешь вдоль ограды... А на будущей неделе вся эта история появится в каком-нибудь юмористическом журнале и с комментариями...

Меркер нахмурил брови:

– Шутник? Вот придумал! С Клодом Меркером не шутят. Меня хорошо знают. Я отыщу мистификатора, и он тем или иным способом, но дорого мне за это заплатит. В конце концов, чтобы застраховаться от спрятавшегося мистификатора, я просто проеду сначала через

площадь; если я никого не увижу, я не пойду, и меня никто не увидит. Можно еще предположить, что это сумасшедший. Но не похоже, чтобы эти письма писал безумный... А кроме того, знаешь, я так этим заинтересован. Сам не знаю почему, но все это кажется мне очень серьезным. У меня такое впечатление, что тут есть что-то интересное... Небольшая прогулка в десять часов вечера в Сен-Жермен-ле-Пре будет для меня разнообразием среди моих рабочих вечеров и выездов. В этом есть что-то красивое, что-то романтическое, какая-то жизнь. Верь мне, я совсем не наивный мальчик, но оттого, что я не живу, что я работаю без передышки, во мне осталось много детского... Знаешь, эта история немного позабавит меня. А я так этим не избалован!

Вотье поднялся:

– Пора уходить! Я вижу, что ты решился идти сегодня вечером; хочешь, я пойду с тобой?

– Нет! Нет! Тут написано, чтобы я приходил один. Я и пойду. Потеряю час времени.

Затем появлюсь на приеме в министерстве иностранных дел. Экипаж будет меня ждать, и в двенадцать я вернусь сюда работать. Приходи завтра утром, я расскажу тебе все, что произойдет... Если вообще произойдет что-нибудь такое, о чем будет что рассказать... До свидания, старина.

– До завтра! Я приду в десять, и ты мне расскажешь разгадку письма, написанного зелеными чернилами, – сказал, улыбаясь, Вотье.

Они обменялись рукопожатиями, и Вотье ушел.

Меркер сложил письмо, опустил его в карман и позвал секретарей заниматься текущими делами. Но мысль о странном свидании всецело владела им в продолжение всего рабочего дня.

Глава II Свидание

Туман, который слегка рассеялся днем, стал к вечеру еще гуще. Синеватой, мягкой тьмой он неподвижно заполнил улицы, заглушил все звуки, притушил свет фонарей, который сквозь пелену тумана казался рассеянным и каким-то нереальным спектром.

Пробило четверть двенадцатого, когда Клод Меркер остановил экипаж на углу бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Бенуа; это был старый фиакр, который он нанял недалеко от министерства. Но его намерение проехать сначала в экипаже, чтобы убедиться, ждет ли его кто-нибудь, оказалось неосуществимым; уже за пять метров ничего не было видно. Он вышел и расплатился с извозчиком; быстрыми шагами дошел до площади, пересек ее и прошел мимо церкви.

Он услышал шаги идущего к нему навстречу человека раньше, чем различил сквозь густую завесу, делавшую ночь еще более темной, его силуэт. На нем было длинное темно-серое пальто, с поднятым воротником, скрывавшим низ лица; опущенные поля шляпы бросали тень на лоб и глаза, скрытые еще круглыми очками с желтыми стеклами.

По необъяснимой причине любопытство, которое привело Клода Меркера на это странное свидание, вдруг исчезло и сменилось, как это часто у него бывало, внезапным приступом раздражения. «Все это ужасно глупо, – с досадой сказал он себе. – Вотье был прав: какой я идиот, что пришел сюда». И он резко спросил человека, который в эту минуту остановился почти на шаг от него и которого он тщетно старался разглядеть:

– Это вы писали мне? Что это значит? Что вы хотите?

– Я был уверен, что вы в конце концов придете, – медленно и совершенно спокойно проговорил он глухим голосом. – И если вы пришли, то не впадайте в раздражение. Все выглядит, конечно, очень мелодраматично и смешно, но я не мог поступить иначе.

«И где я, черт побери, слышал этот голос?» – подумал Меркер.

Незнакомец бросил вокруг себя быстрый взгляд. Эта часть площади была совершенно пустая, и туман закрывал их обоих своими облачными стенами.

– Пойдемте к тому фонарю, – сказал человек, – и вы все поймете.

Меркер, удивленный этим хладнокровием и снова заинтригованный, прошел за ним несколько шагов. У фонаря человек остановился. Он быстро сдвинул за затылок шляпу, отогнул воротник и снял очки.

– Посмотрите на меня, – сказал он, выставляя вперед лицо.

Меркер взглянул на него и сразу не отдал себе ясного отчета в том, что увидел. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Он понял и вздрогнул от изумления.

– Но... как вы похожи на меня! – сказал он. – Вы поразительно похожи на меня!

И на самом деле они были так похожи друг на друга, точно один был портретом другого. У них были не только одинаковые черты, цвет и даже выражение лица, но и одинаково широкие плечи; оба они были одинаково полными, только незнакомец был чуть-чуть повыше ростом.

– Это невероятно! – пробормотал Меркер. – Как будто я стою перед зеркалом. Но все-таки... А-а! – осенило его. – У вас черные усы и темные ресницы! – воскликнул он, заметив эту деталь, из-за которой он, вероятно бессознательно, не понял сразу их полного сходства.

Незнакомец улыбнулся:

– Да, но я такой же блондин, как и вы... Я подумал, что будет осторожнее, если употребить немного краски. Она накладывается и снимается в одну минуту... Теперь вы видите, что я не лгал, когда писал, что вы сразу все поймете...

– Я ничего не понимаю, – прервал его Меркер. – Вы на меня потрясающе похожи, это правда, но...

– Дайте мне возможность вам объяснить, – прервал его в свою очередь незнакомец. – Вы должны пожертвовать на это час времени. Теперь, когда вы меня видели, вы не откажете... и, уверяю вас, вы не пожалеете об этом...

– Хорошо, – сказал Меркер. – Я не знаю, что вы мне скажете... И не знаю, кто вы...

– Я вам это скажу. Кроме того, мое имя не имеет большого значения, и не подумайте хоть на минуту, что я собираюсь поведать вам какую-нибудь трогательную тайну моей или вашей семьи. Все дело только в том вещественном и неоспоримом факте, что мы исключительно похожи друг на друга. Но здесь, на площади, нельзя говорить спокойно. Надеюсь, согласитесь зайти ко мне. Я живу рядом, во вполне приличном отеле.

– Хорошо, идем к вам, – не колеблясь, сказал Меркер; простая и открытая манера незнакомца произвела на него хорошее впечатление.

Приключение становилось любопытным, и ему нравилась эта странная таинственность. Он все более и более увлекался и шел за незнакомцем, размышляя, к чему тот клонит.

Через пять минут они вошли в приличный и на вид тихий отель. Незнакомец взял ключ, назвал себя. Меркер не расслышал его имя. Мужчина в пальто отпер дверь своей комнаты в первом этаже. Он ввел гостя в комнату, зажег свет, предложил Меркеру кресло и затопил камин, в котором были уже приготовлены дрова.

Меркер, сидя в красном кресле, машинально осматривал аккуратно убранную и очень банальную комнату.

– Эта комната в стороне, и никто не услышит наш разговор, – сказал незнакомец, подходя к зеркалу с мокрым полотенцем. Он провел им по бровям и ресницам. Когда незнакомец повернулся к Меркеру, тот не мог опять не вздрогнуть: этот человек теперь, без шляпы и с белокурыми, как у него, волосами и усами, еще больше, чем в сумраке улицы, походил на его собственное зеркальное отражение.

– Подойдем к зеркалу, – с нетерпеливой интонацией сказал Меркер.

– Если хотите.

С минуту они стояли рядом перед большим немного мутным зеркалом.

– Поразительно... – тихо пробормотал Меркер.

– Я кажусь немного выше вас, но это потому, что у меня повыше каблуки на сапогах, – спокойно объяснил незнакомец, – тоже из предосторожности; мне хотелось, на всякий случай, не пропустить ни одной детали.

– Итак, – сказал Меркер, – жду объяснений. В чем дело?

– Вот! – Незнакомец сел против него, вынул из кармана бумажник, а из бумажника – сложенный напечатанный листок и протянул его Меркеру. – Будьте добры, потрудитесь прочесть сначала это.

Меркер взял листок и развернул его. Это оказалась статья, вырезанная, по-видимому, довольно давно из какого-то журнала: название журнала не указано. Он прочел:

«Смесь

Фабрика двойников

Такая фабрика существует в Америке и снабжает весь мир. Ею управляет некто господин Тюркей. Сей уважаемый джентльмен основал ее несколько лет тому назад и сумел повести это важное дело с энергией и умом, необходимыми для полного развития такого отличного предприятия.

Произведения этого дома превосходного качества и вне конкуренции. Нельзя в этом роде сделать ничего лучшего. Господин Тюркей довел его до пределов совершенства. Превосходные исполнители, сотрудничество которых он оплачивает, как говорится, на вес золота, способны на труднейшие превращения и могут брать на себя задачи людей, занимающих самые видные положения, играть самые сложные и самые щекотливые роли без риска

выдать себя. Они умеют быть двойниками любых видных лиц, как самых индивидуальных, так и самых тусклых, и ни самые близкие друзья, ни самые ярые враги никогда не отличат их от тех, кого они изображают.

Господин Тюркей джентльмен во цвете лет, очень спокойный и воспитанный.

– Не могу вам точно сказать, – ответил он на мой вопрос, – но знаю, что давно зародилась у меня эта мысль. Помните роман французского писателя Жюль Верна? Я забыл его название... Дело происходит в Америке, во время войны против рабства. Там действуют два брата, абсолютно похожие друг на друга; они совершают всякие преступления и устраивают друг другу алиби, по всей видимости совершенно бесспорные. Это, может быть, дало толчок моей мысли. Остальное созрело, когда я стал прислушиваться к жалобам людей, стоящих высоко и чувствующих себя несчастными оттого, что у них совершенно нет ни минуты покоя. Я подумал обо всем, что можно из этого извлечь, и принялся за работу. Это был долгий и тяжелый труд, уверяю вас. Надо было иметь солидный основной капитал, чтобы завести дело на широкую ногу, чтобы устроить негласную рекламу и безукоризненно исполнить первые заказы. В особенности сложно было достать верных, преданных, честных и умных сотрудников.

Должен сказать, что клиенты появились очень быстро и почти сами собой. Эти люди так измучены разными светскими обязанностями, выездами, зваными обедами и всякими скучными сборищами, от которых они не смеют отказаться просто из уважения, что в большинстве случаев они с восторгом принимали предложения моих представителей. Некоторые лица отнеслись к моему начинанию вначале с недоверием, но когда поняли, насколько мои служащие достойны полного доверия, когда воочию увидели, как в гостиной к ним подходил какой-нибудь их старинный друг, садился рядом, говорил о семейных делах, а они и заподозрить не могли, что это был двойник, поставленный мною, – тогда и они были завоеваны. Поскольку все мои служащие неболтливы, усердны и очень деликатны, а все мои клиенты – люди избранного общества и хранят в собственных интересах полное молчание о наших отношениях, то мое предприятие достигло успеха и процветает.

– Можно вас спросить, как вы действуете?

– Очень просто: новый клиент обращается ко мне и просит дать ему двойника. Конечно, это весьма богатый человек, и так как теперь мое положение в обществе очень солидно, то это человек, делающий карьеру. Понимаете? Он только что каким-нибудь образом выдвинулся. Поэтому ему надо выезжать, бывать на светских собраниях, на званых обедах. По общепризнанному мнению, это – единственный способ поддерживать свою славу и раздувать свое значение. Правда ли это или нет, но в это верят, и так все поступают... Но от этого страдает работа, а также и здоровье: вечная усталость и слишком обильная еда на званых обедах. Вот тут-то и надо подумать о двойнике. Новая знаменитость обращается ко мне, и я свожу его с одним из моих артистов, приблизительно одного роста с ним и похожего на него. Если у меня нет того, что надо, под рукой, я начинаю поиски и нахожу... И через два, самое большее три месяца мой агент, все время следивший за клиентом, мало-помалу воспринимает его внешность, он усваивает его манеры, жесты, особенности. У него, конечно, такие же костюмы, и он очень удовлетворительно представляет его на официальных торжествах, на свадьбах,

похоронах, даже на парадных обедах, а тем временем оригинал спокойно работает в халате и в туфлях у себя перед камином.

Мы можем заменить кого угодно, верьте мне. Только, чтобы достичь хороших результатов, нужно много профессиональных усилий и денег. Но я всегда достигал вершин в своем деле, и ни одна неудача не омрачила моей репутации. У некоторых из моих старых клиентов есть собственные двойники, которые работают только на них, и так удачно, что я и сам не могу отличить первенца от его копии. Я достиг поразительных результатов, уверяю вас.

Теперь вы представляете себе всю грандиозность нашего предприятия. Вы видите, что мы можем удовлетворить все требования. Уверяю вас: наши агенты – исключительные люди. Подумайте только, мы имеем честь обслуживать коронованных особ, глав государств... Да, конечно!.. Глав государств... Но оставим!.. Это касается уже дипломатических тайн. Знайте только, дорогой мой, что мы – поставщики своей продукции на весь мир, что никто никогда не знает наверное, с кем он говорит...»

Статья продолжалась и далее в таком же юмористическо-фантастическом тоне, но Меркер не стал читать дальше и бросил на стол пожелтевший листок, который сейчас же опять сложился по старым сгибам.

– И вы меня затем побеспокоили, чтобы я прочитал это? – спросил резким тоном Меркер.

– Да, я вас побеспокоил для этого, – отвечал хозяин тем же тоном.

И теперь, когда он говорил своим естественным голосом, этот голос оказался настолько похожим на голос Меркера, что тот мог принять его за эхо, повторявшее его фразу. И этот властный голос, который был, действительно, его голосом и которому, как он привык, все окружающие его повиновались без колебания, выходя из уст этого странного двойника, заставлял его самого подчиняться своему авторитету. Он, как бы против воли, не мог допустить мысли о тщательно подготовленной мистификации, не мог рассердиться и сразу уйти. Он молча, долго и пристально смотрел на незнакомца. Затем сказал:

– Но все-таки, не это же вы мне предлагаете?

Тот кивнул.

– Я не предполагаю злой шутки с вашей стороны, – спокойно продолжал Меркер, – и вы мне кажетесь разумным человеком. Кроме того, как бы я ни боролся, наше поразительное сходство мешает мне считать вас совсем чужим мне. Это не логично, но это так и есть на самом деле... Скажите мне откровенно, к чему, собственно, вы стремитесь? Ведь не можете же вы, на самом деле, надеяться провести в жизнь более или менее смешную юмористическую небылицу, которую вы заставили меня прочесть. Ведь это только фантастическая выдумка... Очень остроумная, если хотите...

– В самой легкомысленной фантазии кроется иногда зерно полезной мысли, – сказал хладнокровно незнакомец. – Я понимаю ваше изумление... Но... Ну да! Да, я к этому стремлюсь, только к этому, уверяю вас... Подумайте!.. Конечно, раньше всего возникает один вопрос, даже раньше обсуждения того, осуществимо ли то, что я вам предлагаю, или нет... Это вопрос: будет ли для вас это полезно, понимаете... полезно. Облегчит ли это вашу работу, вашу карьеру, всю вашу жизнь. Я думаю, что да, и по тому, что я мог узнать о вас из газетных статей, из сплетен, из анекдотов, которые создают среди широкой публики, вроде меня, понятие о выдающихся людях, я думаю, что не ошибаюсь и что вы, больше чем я, того же мнения... Подумайте об этом. Ответьте, если хотите, потом. А сейчас позвольте мне сказать вам, с кем вы имеете дело. Говорю вам прежде всего, что сам я не представляю какого-нибудь потрясающего интереса, но я приличный человек, и если мы с вами столкнемся, то лучше, чтобы вы знали, кто я. Мне тридцать девять лет; на год меньше, чем вам, не так ли? Меня зовут Рауль

Бержан. Это вполне приемлемая фамилия, как вы думаете? Мой отец был дорожным агентом в Дофирэ, но наша семья бретонского происхождения, из окрестностей Бреста.

– У меня тоже предки бретонцы, – сказал Меркер. Он закурил папиросу и внимательно слушал.

– Да, знаю, и, может быть, наше сходство объясняется очень дальним родством, которого мы с вами, конечно, не знаем. Впрочем, это не имеет никакого значения. Есть достаточно много случаев сходства между людьми, совершенно чужими друг другу, чтобы не надо было искать объяснений. В какой-то старой легенде говорится, что у каждого человека на земле есть свой двойник. Я ваш двойник, вот и все! Но... буду продолжать мою биографию. Я хорошо учился в Гренобле, затем окончил юридический факультет. И так как у меня не было средств – отец оставил мне в наследство только около десять тысяч франков, все свои сбережения, – я поступил юрисконсультантом в одну из местных больших акционерных компаний. Вот и все! Добавлю еще, что я не женат. Вы ясно можете себе представить мою жизнь: провинциальную, тусклую, спокойную жизнь. Но так как меня не тянуло ни играть в карты в кафе, ни к департаментским интригам, то я стал для развлечения читать все: журналы, романы, историю – все. Когда в журнале или газете мне попадалось что-нибудь забавное, я делал вырезки. Таким образом у меня сохранилась статья, которую я дал вам прочитать, она была напечатана лет пятнадцать назад в каком-то юмористическом журнале. Она меня поразила. У меня определенный вкус к романтике и к выдумке – если она правдоподобна. Меня тогда увлекал вопрос о сходстве, и я немного изучал его, по крайней мере настолько, насколько это было возможно с теми немногими данными, которые я находил там в библиотеках... Недавно я этим опять занялся... Это было в прошлом году, летом, месяцев пятнадцать тому назад. Раз утром, открывая газету, я с изумлением увидел на первой странице свой портрет. То есть у меня было бессознательное впечатление, продолжавшееся всего одну секунду, что это мой собственный портрет. На самом деле это был ваш портрет; ваша фамилия стояла внизу. За три дня до этого вы были назначены министром, и вся пресса занималась вами. Но все-таки такое абсолютное физическое сходство, которое я увидел между вами и мной, произвело на меня сильное впечатление. Должен вам сказать, что окружающие этого не заметили. У меня в то время была острая борода, коротко стриженные волосы, и я носил, из-за переутомления зрения, желтое пенсне. Но сам-то я хорошо знал себя, и я сравнил вашу фотографию, помещенную в газете, со своей старой карточкой, сделанной четыре-пять лет тому назад, когда я был бритым. Между нами было полное сходство, и я в этом еще более убедился, когда достал лучшую вашу фотографию. Должен вам сказать, что вы уже давно меня заинтересовали вашей исключительно блестящей карьерой и всем тем, что рассказывали о вашей энергии, о вашей работоспособности, о ваших замечательных качествах как государственного деятеля. Откровенно признаюсь вам: я был сначала наивно и глупо горд тем, что был похож на такого выдающегося человека; а потом мной овладела жестокая тоска; мне стало стыдно, что я только скромный служащий, не имеющий впереди ничего, кроме скучного продолжения такого же серенького и банального существования. Я говорил себе, что при других условиях я тоже, может быть, стал бы выдающимся человеком. Затем, из-за какого-то странного раздвоения, мне начало казаться, что я отчасти разделяю ваши триумфы, за которыми я страстно следил по газетам... Как я вам уже говорил – у меня богатое воображение, и я мог свободно предаваться ему, окончив мою скромную ежедневную работу... Вот тут я и вспомнил об этом фантастическом рассказе, который уже раньше так поразил меня, что я вырезал его и спрятал... И наконец, я сказал себе: а почему бы нет? Да, почему бы мне, в некоторых случаях, не заменять Клода Меркера, чтобы он мог в это время спокойно работать, отдыхать... или веселиться...

Он умолк. Меркер, держа в пальцах папиросу, с любопытством смотрел на него.

– Продолжайте, – сказал он наконец.

– Первое, что мне захотелось сделать, – это увидеть вас собственными глазами. Я поехал в Лион, куда вы официально прибыли на открытие памятника... не помню уж, какому великому человеку. Я вас видел; я слышал вашу речь. Я убедился в полном нашем внешнем сходстве и в том, что у нас одинаковый голос. Но тогда я был немного хуже вас; несколько месяцев усиленного питания, и я сравнялся с вами. В то же время я совершенствовался в английском языке, так как узнал, что вы блестяще владеете им. Слава богу, я сам очень хорошо знал его; моя мать воспитывалась в Лондоне и с детства научила меня говорить по-английски. Я также тщательно стал изучать политическую жизнь за последние годы и старался приобрести познания по японскому искусству, потому что вы, кажется, знаете его в совершенстве?

– Это неправда, – сказал Меркер. – Мне создали такую репутацию, но это преувеличено. Мне оно нравится, но у меня нет времени заняться им, и я ничего толком не знаю.

– Тем лучше, потому что это очень трудно, – сказал Бержан. – Короче говоря, я старался изо всех сил и, заметьте, без всякой уверенности в том, что когда-нибудь решусь поехать повидать вас и предложить вам такое невероятное сотрудничество. Иногда я говорил себе, что я просто сумасшедший, и не думал об этом целыми днями... по крайней мере, старался больше не думать. Но это постоянно возвращалось и владело мной. Я становился честолюбив... за вас. Моя жизнь казалась мне все более и более серой, пресной и скучной. Мне представлялось, что, не предлагая вам своей помощи, я предаю наше общее с вами дело... Все, что я говорю вам, очень запутанно и странно... но и мои мысли были такими же... Что делать? Наше с вами положение такое необычайное... И наконец, месяц тому назад, я вдруг решился. Я взял отпуск по болезни и уехал. Приехав в Париж, я остановился здесь. Я знал этот квартал, так как жил здесь во время своих кратких наездов в Париж. В последний раз это было четыре года назад. Теперь я приехал ночью и, решив свидеться с вами как можно скорей, сбрил бороду, чтобы вы с первого же взгляда были поражены нашим сходством; затем выкрасил брови и усы, чтобы это сходство не бросалось в глаза всем, и для этого же увеличил свой рост высокими каблуками. После всего этого я написал вам мое первое письмо и только тогда сразу понял, что мне очень трудно будет встретиться с вами. Я не мог ни пойти к вам, ни попросить вас принять меня, ни объяснить в письме, в чем дело. Если бы кто-нибудь, кроме нас, узнал бы нашу тайну – тогда еще это была только моя тайна, – ничего нельзя было осуществить; то, что я просил у вас, было очень необычайным. Я это знал и мучился. Мои первые ожидания у решетки церкви мне показались бесконечными. И все-таки какое-то странное чувство давало мне надежду. Хотите знать какое? Я говорил себе: «На его месте я бы непременно пришел». И в конце концов я оказался прав, так как вы пришли. С минуту они оба молчали.

– Итак, – медленно сказал Меркер, – вы мне предлагаете действительно это? И вы могли хоть секунду подумать, что я соглашусь потерять всеобщее уважение, стать смешным, разбить карьеру из-за проведения в жизнь какой-то нелепой фантазии, которая, если бы я имел безумие поддаться ей, была бы изобличена в первую же минуту!.. Это фарс, дорогой мой, мелодрама... Все, что хотите... но только что-то неосуществимое... к несчастью... – прибавил он точно против воли.

– Вы говорите, к несчастью? – спросил Бержан.

– Я говорю, к несчастью... Да! Конечно, я говорю – к несчастью. Если бы ваше предложение было приемлемым – конечно, я принял бы его. Это само собой очевидно. И это была бы самая большая услуга, которую кто-либо мог оказать мне. Несмотря на все мои усилия, несмотря на то, что я очень быстро работаю и никогда не отдыхаю больше, чем это строго необходимо, мне никогда не удастся сделать самому все то, что хотелось бы сделать. Поглощенный без передышки бешеной работой, я не живу. У меня нет ни минуты для личной жизни. Единственно, что стоит запомнить из того, что вы заставили меня прочесть, – это рабство знаменитого человека, никогда не принадлежащего себе. Конечно, было бы прекрасно, неоцененно – иметь двойника, который бы перевоплотился в вас, когда вам нужно только где-нибудь

присутствовать и представлять. Я часто мечтал освободиться от этой официальной чепухи, которая просто приводит меня в отчаяние, поглощая бесполезно большую часть моего времени.

Бержан улыбнулся:

– Вот я и предлагаю вам способ...

– Вы мне предлагаете какую-то безумную шутку, которую вы придумали от безделья и одиночества. Вы сами себя уверили в осуществимости этой химеры. У вас есть оправдание в нашем необычайном сходстве... Я чувствую, что вы честный и искренний человек, иначе я мог бы подумать, что кто-нибудь из моих соперников или врагов, желающих занять мое место, устроил эту фантастическую историю, в надежде, что я попадусь на эту удочку и погибну...

– Это было бы слишком хитроумно, – спокойно заметил Бержан. – Я думаю, вы хорошо оцениваете положение...

– Не настаивайте! – прервал его Меркер, вставая.

– Нет, буду настаивать. Если вы слушали до сих пор меня, послушайте еще. Я слишком хотел иметь с вами это свидание, чтобы оно могло так закончиться... Вы принуждены будете согласиться, потому что то, что я вам предлагаю, вполне осуществимо... Мне кажется, вы себе все это не так представляете, как это есть на самом деле. Конечно, если бы я был агентом вашего врага и предал вас, выдав нашу тайну, в то время когда я вас бы заменял... это навредило бы вам. Но на самом деле ведь это не так! Вы оказываете мне честь не считать меня таким... и в этом вы совершенно правы. Вы знаете, что я не провокатор... А кроме того, легко проверить все то, что я рассказывал... Единственно, что вам мешает принять мое сотрудничество, которое для вас было бы неоценимым, – это боязнь, что нас могут открыть. Так это невозможно. Подумайте хорошенько: во-первых, явная несообразность такого предположения – никто не рискнет заподозрить истину, до того она будет смела; а во-вторых, я, хотя бы для начала, буду заменять вас только в официальных торжествах. И вы сами будете появляться на другой день или даже через несколько часов... Если бы даже возникло подозрение, хотя оно, клянусь вам, невероятно, вы его сейчас же рассеете.

– Но как вы хотите, чтобы вас, несмотря на наше исключительное сходство, сразу же не разоблачили, не установили вашу личность?.. Повторяю: это, может быть, очень удачный литературный прием, но...

– Простите! Как я уже сказал – я изучал этот вопрос. Конечно, это неоднократно использованный литературный прием, но это не только литературный прием. В истории можно найти много совершенно поразительных примеров такого необычайного сходства. У Плиния, книга вторая, глава двадцать третья, и Валерия Максима, книга вторая, глава пятнадцатая, сказано, что Сура, бывший проконсулом Сицилии, встретился раз с бедным рыбаком, изумительно похожим на него. У них были одинаковые черты лица, одинаковое сложение, те же движения, такой же голос, смех, и, наконец, они оба заикались. По свидетельству того же Плиния, книга седьмая, глава тринадцатая, у Страбона, отца великого Помпея, был повар – вылитый его портрет, которого он мог выдавать за себя. Можно привести множество подобных примеров. Наиболее типичный – это случай, произошедший в шестнадцатом веке с Мартином Гэром. Вы знаете?

– Не очень хорошо, – сказал Меркер.

– Вот в двух словах в чем дело: Мартин Гэр женился очень молодым на Бертранде де Рольс и жил с ней в деревне, на юге Франции. Когда ему минуло двадцать два года, он совершил какую-то мелкую кражу и бежал, не сказав даже жене куда. Восемь лет не было никаких вестей от него. Затем появился человек, называвший себя Мартином Гэром и до того похожий на него, что все признали его без всяких колебаний, начиная с его четырех сестер и его жены – Бертранды де Рольс, которая опять стала жить с ним, как с мужем. Прошло несколько лет; у Мартина Гэра произошла с одним из его дядей ссора на денежной почве. Дядя стал

утверждать, что этот вернувшийся человек не настоящий его племянник, и хотел заставить Берtrandу признать, что человек, с которым она жила, не ее муж. Но она ответила, что ей-то лучше знать, чем кому-либо другому, и что «это был либо ее муж, либо черт в его коже». И все-таки это был не он! В один прекрасный день в деревне появился человек с деревянной ногой и заявил, что он настоящий Мартин Гэр, что он возвращается из армии и потерял ногу при осаде Сен-Лорана. Он потребовал восстановления в правах. Обоим Мартинам Гэрам сделали очную ставку. Они были поразительно похожи между собой и обзывали друг друга самозванцами. Тогда привели четырех сестер Гэра и Берtrandу де Рольс. Они, как и в первый раз, без малейшего колебания признали в вернувшемся человеке Мартина Гэра, сознались в своей ошибке и заявили, что второй-то и был настоящим Мартином Гэром, их братом и мужем. Тогда ложный Мартин Гэр, тот, который вернулся первым, признался, что он солгал и что на самом деле он был Арнольдом де Тилем. Его повесили.

Вам же, Клод Меркер, не придется возвращаться и требовать восстановления в правах, ведь если я буду действовать, то только с вашего согласия... Хотите еще другие примеры?... Целый ряд исторических загадок и знаменитых судебных процессов основаны на сходстве. Не стоит перечислять все случаи. Был же Лжедмитрий. Было дело об ожерелье из-за сходства Марии-Антуанетты с девицей Николь Легэ. В Англии было необычайное дело Тайшборна, где одному хитрому мяснику удалось выдать себя за потонувшего в море наследника старинной семьи. До самой последней минуты, даже когда судьи признали его виновным, мать утонувшего продолжала утверждать, что самозванец был ее сыном. В Англии же вскрылась недавно страшная тайна Друса Портланда, основанная на сходстве между высокопоставленным лицом и торговцем мебелью. Это была настоящая сенсация, со всеми аксессуарами захватывающего романа: двойная жизнь – то купец, то герцог, подземелья, фальшивые бороды, парики, мнимые похороны, гроб, наполненный свинцом, тайный брак, и все это поддерживалось чьими-то взносами.

Видите: я хорошо изучил этот вопрос. Все эти примеры доказывают, что мое предложение вполне осуществимо. Я сам вначале колебался: не безумие ли то, что я задумал?..

– Но, – прервал его Меркер, – я понимаю совершенно ясно – если допустить, что ваш план осуществим, – всю выгоду его для меня; но вам-то что в этом?

– Видно, что вы совсем не знаете, что значит скучать в маленьком провинциальном городке, – сказал с легкой горечью Бержан. – С тех пор как я начал думать об этом, моя жизнь стала совершенно невыносимой. Меня пожирало это нелепое честолюбие «за вас», о котором я вам только что говорил. Сам по себе я ничто; но, принимая участие в вашей жизни, в вашей славе, я таким образом становлюсь чем-то... дублером знаменитого человека!.. правда, только дублером, но в течение нескольких часов мое самолюбие будет удовлетворено, чего я сам по себе никогда не смогу добиться, так как у меня нет ни имени, ни состояния, ни способностей, ни энергии... Я средний человек, я это знаю... но этот средний человек внешне похож на вас. Моя единственная удача, мое единственное достоинство – это то, что я похож на вас и что я вообразил себе, что могу что-нибудь извлечь из этого... Заметьте, я считаю себя достаточно умным, чтобы не наделать оплошностей, которые могли бы все выдать.

– Вы ничего не говорите о деньгах, – сказал Меркер, прямо глядя ему в глаза.

– Не стоит! Я знаю, что вы сделаете все, что надо. Вы будете оплачивать мое существование здесь, ведь оно будет и вашим. А кроме того – но уверяю вас, это совсем второстепенный вопрос, так как я в этом отношении совершенно спокоен, – вы богаты, и я буду пользоваться вашим богатством. И если все пойдет так, как нам хочется, а иначе и быть не может, вы мне обеспечите спокойную старость...

– Итак, – продолжал он, и голос его задрожал от легкого волнения, – вы согласны! Клянись вам, нам это удастся... Я в этом уверен, повторяю вам! И думаю, что это и позволяет

мне с такой уверенностью говорить с вами... Мне кажется, что я говорю сам с собой... Я не стесняюсь, не конфжусь... вы меня за это простите... Итак, решено: вы согласны!

– Я... я не знаю... – сказал Меркер. – Откровенно говоря, меня это очень соблазняет... Уже одна необычайная смелость вашего проекта могла бы соблазнить меня. Я люблю риск, если есть за что рисковать... Я очень точен, ясен и уравновешен. Но это вовсе не значит, что я отказываюсь от романтизма в жизни или в замыслах. Вы, конечно, обдумали и отделили все детали осуществления вашего предложения. Можете вы их изложить мне?

– Конечно: прежде всего, мы должны с вами в течение некоторого времени – двух, а может быть, и трех недель – «репетировать», чтобы я мог вполне усвоить ваши манеры и ваши обычные жесты. Для этого вы будете жертвовать часом или двумя, когда у вас будет свободное время. Вы должны рассказать мне с точностью, как вы держите себя в публике, ваше отношение к людям, находящимся рядом с вами на официальных торжествах, и те фразы, которые вы обычно говорите... Думаю, что я мог бы начать с какого-нибудь банкета, конечно, не представляющего особого значения. На таких официальных трапезах всегда бывает целый ряд людей, которые вас совсем или почти совсем не знают.

– Да. По-моему, нет более отвратительного способа терять время. Это входит в круг тех деяний – для меня совершенно не нужных, – которые налагаются на человека, стоящего у власти, тем, что я называю представительственным заблуждением. В таких случаях вы являетесь центром, к которому сходятся пятьдесят, шестьдесят или сто мелких честолюбий, откровенно принимающих личину преданности. В каждом возражении, в каждой красноречивой формуле о бескорыстии трепещет та же подразумеваемая фразочка, которая в конце концов и обнаруживается, иногда грубо, а иногда ловко замаскированная, в зависимости от темперамента собеседника: «Я этого хочу!».

– Ну и скептик же вы! – произнес слегка смущенный Бержан.

– Да, я скептик по отношению к идеям, когда они этого стоят... Но вы видите, что я с вами просто думаю вслух... Это нелепо, но, повторяю, я не могу заставить себя не относиться к вам с интимной бесцеремонностью. Наше исключительное сходство мешает мне видеть в вас совершенно чужого человека. Насколько вам оно дает уверенность, настолько меня оно делает доверчивым. Я не могу удержаться, чтобы не говорить с вами как с самим собой... Хотя мне не свойственна такая доверчивость... До сих пор я высказывал ее только одному человеку... единственному моему другу, к которому я отношусь без всякого скептицизма... Вы говорили, что начнете с банкета? Хорошо!

– Я тоже, видите, хочу привыкнуть... Я не очень застенчив... но все-таки гораздо меньше буду стесняться, если будет сто человек, чем перед одним или двумя, в каком-нибудь частном деле. Я выучу то, что надо будет говорить... Вы много говорите?

– Нет, – сказал Меркер. – Я молчалив. – Он засмеялся и добавил: – Не забывайте, что я очень мало ем и пью только воду.

– У меня обыкновенный аппетит, – заметил Бержан, – и я пью вино... не много, но с удовольствием... Но я обойдусь без него, будьте спокойны... Вижу, мне придется начать курить. Мне врач когда-то запретил курение из-за сердца, но я снова легко привыкну... Итак, буду продолжать: не думаю, чтобы мы могли и дальше жить в этом отеле; здесь недостаточно комфортабельно для вас, и потом, это могло бы представить ряд практических неудобств. Я сниму квартиру, лучше всего на первом этаже, и скажу, что у меня есть брат, который много путешествует и иногда навещает меня. Братом будет другой из нас. В первое время я буду вам не очень полезен, но когда я совсем привыкну, то буду в состоянии заменять вас каждый раз, когда вам не нужно будет «морально» присутствовать где-нибудь. Я скоро разучу мою роль, вы можете положиться на мое прилежание, а если представится неожиданное затруднение – я сумею его обойти... Техника замены одного другим не сложна. Вы ведь не живете в министерстве?

– Нет, я живу один и очень скромно, вот уже пятнадцать лет, в одной и той же квартире, на улице Лилль... У меня всего один лакей.

– Прекрасно! Когда я вам буду нужен, вы выйдете от себя и на некотором расстоянии возьмете экипаж, чтобы добраться до нашей общей квартиры. Я вас жду. Я одет так же, как вы – Клод Меркер, – такое же черное пальто, такой же котелок и строгий галстук. Я ухажу и занимаю ваше место. Вы остаетесь дома, вы свободны, вы становитесь мной, и, если это надолго и вы тоже хотите выйти, вы подкрашиваете усы и брови, изменяете прическу, делаете прямой пробор вместо зачесанных назад волос, надеваете ботинки с высокими каблуками, желтое пенсне, клетчатое пальто, фетровую шляпу, галстук лавальер. Это будет мой обычный костюм. И пока я Меркер, вы Бержан. Я надеюсь, что скоро буду иметь возможность давать вам несколько дней свободы подряд – для спокойной работы. Но как только мы начнем нашу работу – нужно будет сейчас же отослать вашего лакея. Он хорошо знает ваши привычки. Его могут поразить какие-нибудь детали, когда мне придется заменять вас на вашей квартире. Новый лакей, который будет по очереди видеть нас, примет наши привычки, не подозревая, что они принадлежат двоим разным людям. Может быть, он будет считать вас капризным, вот и все... Итак, вы согласны! – закончил он с воодушевлением.

Меркер задрожал, как будто очнулся от сна:

– Нет! Нет! Нет еще!.. Я хочу подумать... Я не отказываюсь... И зачем мне, в конце концов, отказываться? Зачем не воспользоваться случаем, который дает мне возможности несравненные, каких еще не было ни у одного человека. Послушайте, Бержан, я ничего не решаю. Я хочу посоветоваться с одним другом, о котором я вам только что говорил.

– Но подумайте, если кто бы то ни было узнает...

– Только не он! Я верю ему, как самому себе. Я не решусь обмануть его, и, кроме того, у нас ничего не выйдет, если мы не посвятим его. Он слишком хорошо меня знает... А затем, я так хочу!.. Ведь рискую я, а не вы.

Он снова стал властным, почти грубым Меркером, которому никогда никто не смел возражать.

– Хорошо, – пробормотал Бержан. – Я понимаю... вы, может быть, хотите таким образом принять меры предосторожности против меня. Я ничего не могу возразить, и, так как я изложил вам все совершенно откровенно, у меня нет колебаний, раз вы так уверены в вашем друге...

– Половина первого, – вдруг сказал Меркер. – Я ухажу. Вы получите мой ответ через три дня.

Он ушел. Бержан задумался. Он чувствовал, что не заснет. Вдруг он заметил на столе забытый Меркером портсигар. Он взял папиросу и закурил ее, чтобы, на всякий случай, привычиться.

В воскресенье утром пришло письмо; он вскрыл его с сильно бьющимся сердцем. В письме было только одно слово: «Согласен».

Бержан весь задрожал, его лицо прояснилось; ему показалось, что он начинает новую жизнь. Он сделал движение плечами, точно сбросил с себя какую-то тяжесть – тяжесть долгих лет серенькой жизни бедного чиновника, пригвожденного к обыденной работе, без всяких надежд, без волнений, без ожиданий. Он подошел к мутному зеркалу шкафа посмотреть на себя... посмотреть на лицо Клода Меркера в своем лице.

Затем вернулся к столу, взял лист бумаги и написал письмо к себе, в провинцию, своему начальнику.

«Господин директор!

Честь имею покорнейше просить вас принять мою отставку. Состояние моего здоровья заставляет меня...»

И от охватившего его возбуждения его рука действительно дрожала, как у лихорадочного больного.

Глава III Репетиция

После второго свидания с Клодом Меркером Рауль Бержан нанял маленькую квартиру из трех комнат, кухни и узкого коридора; она находилась в спокойном доме на острове Сен-Луи, на набережной против левого берега Сены, на углу одного тихого переулочка. Вход в квартиру был из-под ворот, не доходя до помещения привратницы, и таким образом можно было, хотя бы отчасти, избежать ее профессионального любопытства. Окна двух первых комнат выходили на набережную; окна третьей комнаты, которая была на углу, и окна кухни выходили в переулочек; так как они находились невысоко от земли и были без решеток, а только со ставнями, то ими, при случае, можно было воспользоваться как дверью, минуя привратницу.

Бержан, у которого, по его собственному признанию, была сильная склонность к романтизму, очень понравились особенности этой квартиры, и он быстро учел все выгоды, какие они могут представить. Действительно, это были лучшие условия, при которых можно было удобнее всего сохранить тайну его смелого заговора с Клодом Меркером. Они заключали в себе высшую предосторожность и гарантию безопасности, которая сразу восхитила его. И хотя Меркер нашел сначала, что остров Сен-Луи расположен слишком далеко от центра его общественной деятельности, но скоро сам пришел к тому же заключению. Бержан нанял на свое имя квартиру в три комнаты и на деньги, полученные от Меркера, просто и комфортабельно обставил ее. Через две недели после их первой встречи у ограды церкви Сен-Жермен-ле-Пре он уже поселился в ней.

И вот тут-то, в средней комнате этой квартиры, самой большой комнате, из которой Бержан сделал что-то вроде рабочего кабинета-гостиной, собрались в один из декабрьских вечеров Меркер, Бержан и доктор Вотье.

Когда, за несколько времени до этого, Меркер познакомил Вотье со странным предложением человека, так похожего на него, доктор искренне удивился и долго обдумывал... Затем поднял глаза на Меркера и сказал:

– А почему бы нет?.. Да! Почему бы нет?.. Надо очень осторожно отклонять от себя все странное и необычайное, только потому, что это что-то странное и необычайное... Предложение, сделанное тебе, пожалуй, единственный способ, чтобы такой выдающийся человек, как ты, стал чем-то более значительным, чем просто выдающийся человек... Да, получить такую, почти волшебную возможность раздваиваться; иметь если не вдвое больше времени, чем у всех людей, то, во всяком случае, на треть больше. Все ненужное в твоей жизни уйдет от тебя, если ты сдашь ее другому. Он поможет тебе нести бремя, взяв на себя ту часть, которую тебе не необходимо нести самому. Таким образом, ты можешь еще продержаться... Я говорю – продержаться. Ты сгораешь! Если ты не будешь отдыхать, то, каковы бы ни были твои силы, энергия, способность к борьбе, ты не будешь в состоянии продолжать твою изнурительную работу. Есть очень банальная, но абсолютная истина: силы человека не безграничны. Тебе нужно время для отдыха, иначе, может быть, и даже наверное, явится вдруг неизбежный, изнуряющий перерыв из-за болезни или переутомления. Требуя от самого себя слишком много, ты рискуешь когда-нибудь не получить ничего. Случайно остроумная выдумка этого человека дает тебе возможность отдохнуть: это исключительный, чудесный, невероятный случай! Воспользуйся им или, по крайней мере, постарайся воспользоваться. Это, конечно, совершенно необычайный случай... необычайный, но в нем нет ничего низменного, ничего дурного, ничего такого, что может повредить другому человеку. Это протест – который, правда, останется неизвестным – это твой протест против напрасной потери времени, связанной с твоим положением. А кроме того, по-моему, такие люди, как ты, – единственные судьи своих поступков. Чтобы вести к благу свое дело, ты можешь свободно пользоваться всеми способами, какие тебе нужны.

– Итак... ты думаешь, я должен согласиться?

– Да! А кроме того, если я и скажу тебе «нет» – ты все равно согласишься. Ты уже это решил. Я не сомневаюсь, что мое мнение для тебя ценно, но рядом с твоим оно ничто. Дорогой мой, я говорю тебе, как всегда, все, что думаю... И прибавляю, что если бы ты не был таким – ты не был бы Клодом Меркером... Но все же... все же совершенно ясно, что такое мнение, как твое, так и мое, имеет значение лишь при одном условии, если это оригинальное замещение логически возможно. Я хочу сказать: необходимо, чтобы сходство между тобой и Раулем Бержаном было совершенным, абсолютным... А этот вопрос один только я могу решить, потому что вы меня одного посвятили в ваш план. Похож ли на тебя этот человек так, как вы оба это думаете? Только кто-нибудь третий, видя вас вместе, может решить этот вопрос. Опыт с зеркалом, который ты проделал, дает большие надежды, но его недостаточно. Манеры, позы, жесты могут, несмотря на близкое сходство, не быть похожими. Сумеет ли Бержан точно подражать тебе? Я буду руководить им, исправлять ошибки и указывать на детали, которые ты, конечно, и сам не знаешь. В течение этих нескольких недель, которые остаются до его «дебюта» и моего отъезда, я его, если можно так выразиться, подготовлю. А если нам не удастся добиться полного совершенства, придется отказаться... Но, судя по тому, что ты мне о нем говорил, он добьется... А кроме того, ваш план до того необычен, что не может возникнуть никаких подозрений; для этого нужно, чтобы твой двойник сделал какую-нибудь грубейшую ошибку или захотел предать тебя.

– Ни того ни другого нечего бояться, – живо сказал Меркер. – Это умный и серьезный человек. Он сделает все возможное, чтобы удовлетворить свое честолюбие, то есть быть мной... И если подумать хорошенько – ему есть из-за чего стараться. Представь себе только ту жизнь, которую он вел в провинции, и ту, которую ему придется вести здесь. Что касается измены... Нет! Это решительно невозможно, ведь это до того противоречит его явному интересу. И затем, если он меня выдаст... ну... так я во всем признаюсь... Я расскажу всем, что меня заставило пойти на такой обман. Уверен, что мой авторитет еще больше вырастет оттого, что я посмел совершить это.

– Возможно... Но не наверное... Может случиться, что получится такой скандал, от которого ты погибнешь, хотя есть способы заранее гарантировать себя... Впрочем, оставим это. Действительно, предательство совершенно невероятно, если только он рассказал тебе правду о своем прошлом.

– Я все разужаю... Мне будет легко это проверить окольным путем. Нет! Нет, он искренен, я это чувствую, я могу ему довериться, как самому себе.

Вотье ничего не ответил. Он решил изучать Бержана не только со стороны его сходства с Меркером, но и с моральной стороны. И после этого разговора Меркер написал Бержану: «Согласен».

Двойные зеленые бархатные занавеси на окнах были тщательно задвинуты, в камине ярко пылал огонь, а три большие лампы без абажуров освещали комнату. Доктор Вотье сидел в кожаном кресле, наблюдая за Меркером и Бержаном; они стояли перед ним, оба одинаково одетые, и разговаривали.

– Добились! – пробормотал Вотье. – Или, по крайней мере, скоро добьетесь.

– Господин Бержан, – продолжал он громко, – вы делаете поразительные успехи. Это наша пятая репетиция, и вы уже почти совершенно одно лицо с Меркером... Да, почти что... Только не забывайте такого характерного для Меркера жеста, когда он вдруг слегка пожимает плечами и откидывает голову назад, хмуря брови... а руки держит в карманах пиджака... Да, да, вот так! Не забывайте делать этот жест время от времени, когда будете слушать собеседника. А затем привыкните быть более резким в движениях, Меркер всегда резок. Он мало жестикулирует, обратите на это внимание, у вас есть склонность к жестам, гораздо больше, чем

у него; у Меркера жест порывистый и четкий. Старайтесь также, когда говорите, отчетливее вбивать слова. У вас голос более мягкий, более музыкальный, чем у него.

– Хорошо, – сказал покорно Бержан.

Меркер взял папиросу и закурил. Бержан сделал то же.

– Прекрасно, – одобрил его Вотье. – Ваши движения совершенно тождественны... Теперь садитесь оба передо мной и будем втроем разговаривать... Господин Бержан, заметьте это движение Меркера: он кладет левую ногу на правую и наклоняется корпусом вправо... Не совсем так, он делает это резче. На этот раз хорошо. Не забывайте, что он всегда сморкается левой рукой. Это, конечно, все детали, но ничем не надо пренебрегать... Быть может, среди людей, с которыми вам придется встречаться, будет тонкий наблюдатель... Впрочем, уверяю вас, успех обеспечен. Я умею наблюдать: почти невозможно отличить вас одного от другого. Конечно, для меня есть разница, быть может, она была бы и для всякого, наблюдающего за вами, когда вы вместе. Но, видя вас порознь, ни один непредубежденный человек не усомнится, что видит одно и то же лицо... Я даже не уверен, что и предубежденный человек может заметить разницу... Господин Бержан, господин Бержан, послушайте, не принимайте такого мечтательного вида. У Клода Меркера никогда не бывает мечтательного вида. Он часто бывает молчалив, в особенности там, где вы его должны будете заменять... В таких случаях у него бывает озабоченный вид, но никогда нет блуждающих глаз и приятной полуулыбки, дающей такое мягкое выражение вашему лицу. Вы обратите на это внимание, не правда ли? Простите за эти постоянные уроки, но...

– Я вам бесконечно благодарен, – почтительно сказал Бержан. – Единственное мое желание – это быть достойным той чести, которую оказывает мне господин Меркер, соглашаясь на мое скромное сотрудничество.

– Поговорим немного о банкете, – прервал его Меркер – Я вам дал, Бержан, список приглашенных и описал тех, кому вам придется сказать несколько слов.

– Я все знаю наизусть, – сказал Бержан, – а сейчас я учу речь, которую должен буду произнести... На следующей нашей репетиции я скажу ее, а вы будете так добры поправить мне интонации.

– За обедом вы кашлянете несколько раз, – прервал его доктор Вотье. – Этим можно будет объяснить глухой голос, который у вас, пожалуй, будет от волнения на первом вашем выступлении.

– Если с вами заговорят о вопросах, выходящих из указанных мной рамок, вы скажете только: «Мы об этом еще поговорим».

Вотье засмеялся.

– Слышите, господин Бержан, эту четкую интонацию, обрывающую и сажающую на место всяких просителей и нахалов: «Мы об этом еще поговорим!»

– В качестве просителя, – сказал Меркер, – вас, Бержан, будет, наверное, осаждать некто Буфремон. Знаешь, Вотье, наш товарищ по лицу. Он будет там, потому что он лезет всюду. Это толстый, бритый мальчик, с розовыми щеками, черными усами и блестящей лысиной; элегантный, в орденах и важный. У него мания напоминать мне о тысячах мелочей из воспоминаний детства, к которым я совершенно равнодушен или о которых я совсем забыл... Правда, – добавил он, – у меня в голове столько вопросов, требующих немедленного разрешения, что из моей памяти улетучились все мелкие детали прошлого. Я бы не мог даже вспомнить, как звали наших преподавателей.

– Ты очистил место, чтобы поместилось то, что тебе сейчас нужно. Прекрасная штука забывать... Меньше замечаешь, что стареешь... Но я, старина, я не забываю некоторых вещей из прошлого... – добавил он. И, увидев, что Меркер хочет остановить его жестом, добавил: – Не бойся, я не собираюсь опять говорить тебе о моей благодарности, но знай, что я сообщил

об этом господину Бержану. Да, как-то вечером, пока мы ждали тебя... Я это сделал, чтобы он знал, что может доверять мне, как тебе самому...

Но Вотье сделал это также и для того, чтобы Бержан знал, что за ним наблюдает и его изучает безгранично преданный Клоду Меркеру человек.

– Этот дурак, я говорю о Буфремоне, – продолжал Меркер, – обычно засыпает меня необычайными похвалами и выражением дружеских чувств. Он забыл всех наших товарищей, которые достигли успеха. Вы будете холодны с ним. Он непрерывно будет говорить вам «ты»; говорите с ним мало. Он будет намекать на одно обещание. Вы скажете, что надо подождать. Кстати, я никогда не давал ему обещания, но он надеется заставить меня этому поверить. Речь идет об ордене, которого он жаждет, но которого он не получит... по крайней мере, через меня; это было бы несправедливо: у него нет никаких серьезных прав. И он перебил бы его у тех, кто имеет все права, кому эта награда важна для карьеры и кто мечтает о ней буквально до болезни. Итак, будьте с ним холодны и обрывайте его, когда он будет льстить, как он это делает обычно и так чрезмерно, что я был бы положительно смешон, если бы стал слушать его.

– Я ему скажу, что кадило создано не для убийства, – сказал Бержан.

– Неплохо сказано, для маленького провинциального чиновника, – заметил Вотье. – Послушайте, у нас до ухода еще есть время. Давайте поговорим о чем угодно – о погоде, о политическом положении, о последней пьесе, которую из нас никто не видел.

– В феврале будет парадный спектакль в Большой опере по случаю приезда японского императора... Вы меня будете там замещать, Бержан, – сказал Меркер.

– Я к вашим услугам... Но скажите мне, господин Меркер, вы хотите, чтобы после этого банкета я ночевал у вас и пришел сюда на другое утро, чтобы вы могли пойти в министерство?... Хорошо!.. Но я должен буду предварительно побывать у вас на квартире.

– Конечно! Вы придете как-нибудь вечером, в ваших очках и с покрашенными усами. Вы поднимитесь, не разговаривая с привратницей; лакея не будет дома... Я рассчитаю его, чтобы заменить новым, накануне вашего дебюта, как мы с вами уже условились.

– Господин Бержан, Меркер никогда не гладит усов так, как вы это сейчас делаете, – прервал его Вотье. – Но, пожалуйста, не будем говорить больше о делах. Просто поболтаем. Послушай, Меркер, как ты думаешь, должна ли женщина – я говорю, конечно, о честной женщине – быть кокеткой и до какой степени?.. Выскажи свое мнение, а мы с господином Бержаном будем отвечать тебе.

Меркер засмеялся, и они все трое стали беседовать, сначала немного неловко, как бывает всегда при вынужденном разговоре, а затем совершенно свободно. Вотье, принимая изредка участие в разговоре, наблюдал за обоими собеседниками. Меркер, по своей привычке, был резким, порывистым не только в тоне, но и в том, что он высказывал. Бержан, у которого были другие взгляды, мало-помалу оживился, и его почтительная сдержанность, которую он выказывал вначале, совсем исчезла. Он горячо возражал Меркеру.

– На этом мы и остановимся, если хотите, – сказал Вотье. – Пора уходить, господин Бержан, я должен вам сделать серьезное замечание: наблюдайте за собой. Вы остроумны, и вы это высказываете, вы легко можете поддаться желанию блистать в обществе. Вы решительны и остроумны, у вас встречаются забавные остроуты. Тщательно избегайте этого.

Наступило короткое молчание. Бержан слегка улыбался и казался смущенным. Меркер изумился и недоброжелательно посмотрел на Вотье.

– Дорогой мой, – сказал он наконец, стараясь говорить равнодушным тоном, – неужели у меня так мало остроумия?

Вотье посмотрел ему прямо в лицо:

– Я не говорю, что у тебя нет остроумия, но у тебя нет такого рода остроумия, или же ты не показываешь его. Нет, старик, напрасно ты принимаешь оскорбленный вид, я все равно не доставлю тебе удовольствия тем, чтобы по-идиотски льстить тебе. Ты говоришь то, что хочешь

сказать, всегда ясно, а когда нужно, то и красноречиво; у тебя есть сила, горечь, ирония, но ты совсем не то, что называется блестящий собеседник. Ты это так же хорошо знаешь, как и я, и ты сам тысячу раз говорил, что, по-твоему, блестящий собеседник – худший из болтунов. Это мнение очень неприятно для господина Бержана, у которого есть все свойства блестящего собеседника, и если бы он дал себе волю, то создал бы тебе репутацию остроумного человека, совсем не совпадающую с общим мнением о тебе. Вот и все! Пожалуйста, вы оба не обижайтесь на меня. Господин Бержан должен смягчить свои неровности и свою внешность, а сейчас отправимся домой, потому что уже поздно... Экипаж ждет меня, я завезу тебя, Меркер.

Они простились с Бержаном, надели пальто и вышли. Падал легкий снег. Они задрожали от резкого холода, быстро сели в ожидавший их экипаж и поехали вдоль темной набережной.

– Ну что? – спросил Меркер.

– Будь спокоен, дело пойдет!

– И ты не веришь больше в возможность какой-нибудь оплошности, которая все выдаст; не веришь в предательство?

– Оплошность? Он на это не способен, он слишком хитер для этого. Он не способен и на предательство. Я в этом уверен. Тогда, вечером, когда мы были с ним вдвоем, он мне передал бумагу. Это было письменное признание в том, что он обокрал меня. «Таким образом, – сказал он, – у вас не будет никакого сомнения в моей искренности. Этим ложным признанием я отдаюсь в ваши руки. Я знаю, что господин Меркер доверяет мне, но вы, как друг, более подозрительны, чем он сам, заинтересованный в этом. Теперь у вас есть орудие против меня, и, благодаря ему, вы должны вполне доверять мне».

– А что сделал ты? – спросил Меркер после паузы.

– Я сжег эту бумагу. Но теперь я доверяю ему. Он искренен.

– Все, что он говорил мне про себя, целиком подтвердилось полученными мной сведениями, – сказал Меркер. – Нет, бояться нечего, как и надо было предполагать. Итак?..

– Это удастся, – сказал Вотье. – Будь спокоен!

– Наконец-то я могу немного пожить, – пробормотал Меркер, откидываясь в глубь экипажа.

И действительно, для него, как и для Бержана, начиналась новая жизнь, и ни один из них – ни Меркер с его громадным умом, ни Бержан с необыкновенной гибкостью своего изобретательного ума – не мог усмотреть той опасности, которая ждала их.

Глава IV Жильберта

И за все время, пока продолжалось необычайное соглашение, предложенное в ту туманную ночь Раулем Бержаном Клоду Меркеру, ни у кого не явилось ни малейшего сомнения. Никто из соприкасавшихся с министром Клодом Меркером не заметил, что не всегда один и тот же человек занимал этот высокий пост. Было только отмечено, что работоспособность этого государственного деятеля была еще более поразительной, чем когда-либо. Как доказательство этого, появилось несколько лестных отзывов в газетах да одна или две карикатуры, изображавших Клода Меркера в виде Атланта, поддерживающего политический мир. Но никто из членов правительства, никто из его светских или деловых знакомых, никто из ближайших сотрудников по министерству не заметил, что «самый видный политический деятель», как говорили его поклонники, имел двойника.

Бержан твердо выдерживал свою роль с несравненным хладнокровием, присутствием духа и тактом. Этот маленький ничтожный провинциальный чиновник, почти внезапно вознесенный на вершину общественной лестницы, сумел с полным совершенством приспособиться к своему положению. Никакая неожиданность не могла застать его врасплох, и он был талантливым Меркером, не хуже самого Меркера. Положение это было настолько необычайным, оно было настолько вне всяких возможных подозрений, что именно благодаря этому никто не мог ничего заподозрить.

Сначала Бержан, как у них и раньше было условлено, заменял Меркера только на короткое время и только там, где требовалось официальное представительство министра. Но очень скоро успех дал им смелость, и Бержан все чаще и чаще бывал Клодом Меркером. Он перенял все его манеры с полнейшим совершенством; он старался усвоить и его почерк, ему быстро это удалось, и по приказанию Клода Меркера он подписывал за него бумаги. Через несколько недель, войдя в курс всех текущих дел, он почти всецело взял на себя тяготы официальной жизни, которые до этих пор Клод Меркер должен был нести один. Единственный родственник Меркера – его дядя, служивший судьей в Алжире, – приехал в Париж, видел два раза Меркера, а три раза Бержана, так и уехал, ничего не подозревая.

Жизнь Клода Меркера в то время, когда он бывал Раулем Бержаном, мало известна. В своих письмах к доктору Вотье, который был тогда в Алжире, он из осторожности описывал ее в очень неопределенных и замаскированных выражениях. Он всегда был скуп на переписку и в письмах к своему ближайшему другу Вотье упомянул только о некоторых впечатлениях да описал один или два каких-то случая. Да и то, чтобы понять это, надо было быть в курсе событий. Конечно, часы одиночества и свободы, которых он добился таким способом, были для Меркера, до сей поры – раба своей общественной жизни, очень дороги. Когда он, с накрашенными усами, причесанный и одетый так, как тот, чью личину он принимал, работал, размышлял или просто отдыхал в маленькой квартирке на острове Сен-Луи, – он испытывал тихое удовлетворение и ценил его с каждым днем все больше и больше. Днем он вообще избегал выходить из квартиры и почти не покидал своего тихого острова. Он нравился ему своей стариной, спокойствием и пустынностью. Он любил его серые камни, деревья, торжественные, уснувшие особняки, улицы без прохожих, набережные, по которым он гулял в сумерках; его охватывало это спокойствие, он облокачивался на перила и смотрел, как внизу бесшумно текла река, испещренная отблесками. Он немного посмеивался над самим собою, что открыл такие радости и что он ценит их; мысли его становились все глубже; отдых обновлял их; он никогда не чувствовал себя так самим собой, как когда играл жалкую роль неизвестного, незаметного человека, лишеного всякого честолюбия. По вечерам, довольно часто, он покидал остров и шел обедать в один из скромных ресторанов Латинского квартала. Иногда, после обеда, он

заходил в какое-нибудь кафе на бульваре Сен-Мишель, где было светло, весело и шумно. И думал, что в это время Бержан присутствует где-нибудь на официальном приеме вместо него.

Однажды вечером он услышал, как за соседним столиком трое молодых людей говорили по поводу его речи по общей политике, которую он произнес за день до этого в парламенте. Эта речь вызвала большой шум. «Меркер – замечательный человек. Какая сила воли! Он знает, куда идет. Это единственный государственный деятель у нас...» «Может быть, – сказал другой. – Я не уверен. Он слишком быстро сделал карьеру. Я не доверяю молодым удачникам. Все восхищаются его работоспособностью. Да, но он слишком много работает; он не живет. У него нет достаточно опыта. Чтобы управлять людьми, надо знать жизнь». И, сказав это, он принял красивую позу. Это был очаровательный блондин. Ему не было еще двадцати лет.

Вошла молодая женщина и села напротив него. Она была хорошенькая...

Меркер подумал, что это было верно: он никогда не жил, ему всегда было некогда; с двадцати лет он был всецело поглощен работой, честолюбием, карьерой. Как он признался Вотье, у него даже не было времени любить. У него не было ни жестоких, ни нежных воспоминаний прошлого; перебирая всю свою суровую жизнь, он не мог припомнить ни одного женского лица. Ему пришло на ум, что он, вероятно, прожил уже более половины жизни; он подумал, что через десять лет ему будет пятьдесят, и тогда уже будет поздно... и несколько минут спрашивал себя, не ошибся ли он? Не был ли смысл жизни совсем не в том, в чем он искал его?.. В его представлении возник образ прекрасного чистого лица с длинными серыми блестящими глазами, с ярким ртом и белым лбом, окруженным густыми черными волосами. Это было лицо Жильберты Герлиз... Меркер удивился... Может быть, он любил эту женщину, если ее лицо так сразу встало перед ним? Он с ней уже не встречался некоторое время, потому что теперь Бержан заменял его на официальных вечерах, где она часто бывала; у нее как у дочери сенатора, бывшего министра, и вдовы дипломата, умершего пять лет тому назад, все знакомства были в политическом мире. Он слегка пожал плечами. Неужели он становился сентиментальным? Роль первого любовника не очень шла к нему, и он ни за что бы не решился играть ее с женщиной, утверждавшей, что никогда не выйдет замуж, и проявлявшей к нему интерес, не более чем ко всякому человеку на виду, как бы стар или уродлив он ни был. Он никогда бы не осмелился заговорить с ней об этом. Он это твердо знал: ему всегда мешала его дикая застенчивость и мрачная гордость, не допускавшая даже мысли о неудаче... Небольшим усилием воли он прогнал от себя этот образ и поборол волнение. Затем вышел из кафе и звездной мартовской ночью, полной предвесенней тишины, он пустынными улицами дошел до острова Сен-Луи.

Доктор Вотье уехал из Парижа в конце декабря, вполне успокоенный насчет сотрудничества Меркера и Бержана. Он знал, что Меркеру нечего бояться. И действительно, в течение января, февраля и марта все шло без перебоев, к великому удовольствию Меркера, у которого была свобода, и Бержана, испытывавшего радости удовлетворенного самолюбия, радости, конечно, немного искусственные, но тем не менее очень острые. По сравнению с его теперешней жизнью его прежняя провинциальная жизнь казалась ему мрачным кошмаром. Он с восторгом погружался в новый мир, от которого Меркер бежал с неменьшим восторгом.

3 апреля был большой благотворительный базар, устроенный в пользу пострадавших от наводнения на юге Франции.

Он происходил в морском министерстве, в красных гостиных, отделанных золотом и со знаменитыми гобеленами, которые министр, адмирал Лестангль, предоставил в распоряжение организационного комитета.

Жильберта Герлиз входила в состав комитета, и у нее был один из самых главных киосков. Как и остальные дамы на базаре, она собрала вещи для продажи у своих знакомых, разослала приглашения всем, кого знала, и рассчитывала, что к ней приедет много людей, при-

надлежащих к высшему политическому миру. И прежде всего, она особенно рассчитывала на Клода Меркера, который на последнем вечере в испанском посольстве определенно обещал ей приехать.

Исполнит ли он свое обещание? Хоть вспомнит ли? Он поглощен таким количеством всевозможных забот, что все его время занято до последней минуты. И все же, в глубине души, Жильберта была уверена, что он не пришлет пожертвование, а придет сам, и придет из-за нее... Вот уже несколько недель, как он был по отношению к ней совсем не такой, как раньше. Теперь, всякий раз, как он встречался с ней, он казался очень счастливым, был так любезен, так предупредителен по отношению к ней, выказывал ей и симпатию, и восхищение, конечно, в очень сдержанной форме, но все же она не могла этого не видеть... Он уже был не прежним Клодом Меркером, резким и скрытым, озабоченным и равнодушным, который так долго приводил в смущение Жильберту, хотя и сильно интересовал ее...

Она ждала его с самого начала базара и слегка волновалась. Она знала, что красива, и ухаживала за своей красотой. Но до этого дня она это делала для себя, а сейчас для Клода Меркера. На ней было темно-синее атласное платье, все в мягких складках, с блестящей вышивкой; большая, тоже синяя тюлевая шляпа прижимала ко лбу ее черные волосы; сегодня она была особенно хороша, она видела это в зеркалах и узнавала по взглядам окружающих. Она чуть-чуть подрумянилась. В тридцать лет у нее сохранился цвет лица юной девушки, сохранились и чистые линии стройной фигуры. Она сама удивлялась тому, что так волнуется в ожидании этого человека. Было ли тому причиной его положение, которое становилось с каждым днем все более и более значительным? Или же его популярность? Или власть?.. Она спросила себя об этом. Конечно нет! Другой в таком же положении, с такой же властью не внушал бы ей подобного волнения.

Тут совсем не было никаких честолюбивых надежд, она не выносила честолюбия... значит – из-за него самого. Тогда почему же только теперь, ведь она так давно его знала?

По гостиным пробежал шепот. Густая толпа зашевелилась... «Меркер!.. Вот Клод Меркер!»... Он появился, как воплощение физической и умственной силы, крепко сложенный, в простом и строгом костюме, с властным лицом, орлиным профилем и пронизывающими темными блестящими глазами. Его окружали люди, жаждущие поздороваться с ним, показаться ему, показаться рядом с ним. Резкий, но, как всегда, любезный и в этот день даже улыбающийся, что с ним случалось редко, он продвигался вперед, пожимая множество рук. Он подошел поздороваться с председательницей комитета, госпожой Делагерс, женой председателя совета: сама она не продавала на базаре. При виде его у нее сжалось сердце; она знала, что Меркер, при первом удобном случае, заменит ее стареющего мужа; но ничем не выказала обиду уходящих со сцены на тех, кто приходит на смену. Она была с ним очаровательна, с жаром благодарила его и сама отвела к киоску вице-председательницы, красавицы Вона, ярко-рыжей женщины, у которой волосы, зубы, цвет лица так и сверкали в глубине зала. Он заплатил сто франков за какую-то скверную гравюрку, которую он мог засунуть в карман, не обременяя себя пакетом.

И только тогда он мог пойти в другой зал к киоску Жильберты Герлиз.

Она спокойно ждала его, быстро поборов легкое волнение, охватившее ее, когда она увидела, как он входил в зал. Он склонился над протянутой ему рукой.

– Благодарю вас, – сказала она, – я почти не надеялась...

– О, – пробормотал он, – я бы все бросил для... – Он не посмел сказать «для вас». – Для того, чтобы прийти сюда.

Их слушали. Две барышни, одна в желтом, другая в розовом, которые продавали в киоске Жильберты, так были взволнованы присутствием великого человека, что забыли про прибыльную продажу, которую они вели до сих пор с изящным и неудержимым усердием, опустошая карманы своих гостей.

Меркер подошел к длинному прилавку, заваленному в причудливом беспорядке рыночными вещами и произведениями искусства, со множеством подушечек для булавок, неизбежных на всяком благотворительном базаре.

– Если разрешите, я что-нибудь выберу, – сказал Меркер после краткого молчания.

Жильберта услышала в его голосе легкое волнение, которое, конечно, только она одна заметила, что смутно и польстило ей, и взволновало ее. И она стала весело расхваливать товар, как продавщица, желающая продать его.

– У нас прекрасные вещи, металлические, фарфоровые, есть бумажники, портсигары...

– Вот именно портсигар; это-то мне и нужно!

Он протянул руку к портсигару из тисненой кожи, которого в это время касалась рука Жильберты. Она была без перчаток; их пальцы слегка прикоснулись. Меркер сдержался, чтобы не вздрогнуть, и его взгляд встретился с большими серыми глазами, смотревшими на него и не сразу оторвавшимися от него.

– Нет, нет, не берите этот, он без монограммы; у нас, наверное, есть с вашими инициалами, – быстро заговорила Жильберта, и ее голос был, быть может, не такой спокойный, как всегда.

– Да... Именно... Вот этот, – сказал он.

Она посмотрела на вещь в его руках и рассмеялась.

– Кажется, ваша фамилия начинается не на букву «Б», господин Клод Меркер. Сознаться, что ваша рассеянность ясно доказывает, как далеки ваши мысли от нашей несчастной продажи.

Она смеялась, чтобы скрыть смущение. Она была и тронута, и горда тем, что производила на этого сильного человека такое впечатление, что он совсем растерялся.

Он вздрогнул и сейчас же взял себя в руки. На портсигаре была буква «Б». Какая оплошность! Надо было сойти с ума, чтобы сделать такую ошибку! Неужели эта женщина до такой степени волновала его, что он забыл?!..

Конечно, все это произошло так быстро, что никто ничего не заметил: публика отхлынула к буфету, где начинался концерт.

– Конечно! – воскликнул он. – Где у меня голова? Вот как раз и «М».

Он взял другой портсигар, опять взглянул на Жильберту и после некоторого колебания тихо сказал:

– Уверяю вас – это произошло не потому, что я был мыслями далек отсюда.

На этот раз она слегка покраснела, но ничего не ответила. И взяла сложенный банковый билет, протянутый им.

– Что вы думаете делать на Пасху? – спросил он, помолчав немного, развязным тоном человека, продолжающего светский разговор. – Вы не уезжаете из Парижа?

– Да! Меня приглашают в разные места. Но я еще никому не дала согласия... Все колеблюсь. Я рассчитываю скоро уехать, но еще не знаю куда. Одна подруга зовет меня в Турень, другая хочет увлечь в Биарриц, и наконец, моя кузина Демази настаивает, чтобы я провела несколько дней у нее, в Фонтенбло... но я еще не знаю...

– А, – пробормотал он, – вы еще не решили... Очень жалко... Я на второй день Пасхи должен ехать в Оксер на открытие памятника. По возвращении я воспользуюсь тем, что, из-за роспуска палат, у меня будет свободное время, и я поеду на несколько дней в деревню... Я становлюсь смешным, оттого что никогда не пользуюсь каникулами... Я похож на прилежного ученика. И так как я, наверное, выберу Фонтенбло, то, может быть, мне и повезет: мое пребывание там совпадет с вашим.

Он замолк. Полная, слишком намазанная дама, в волнах шелка шанжан, шумно бросилась к ним.

– Как я опоздала! Поцелуй меня, Жильберточка! Господин министр, наша знаменитость, как я счастлива вас видеть. Ах, ваша последняя речь! Что за чудо! Я была в местах для публики и едва сдержалась, чтобы не аплодировать! Бедный Фраппель! Вы его совсем огорошили! Жильберта, дорогая моя, я в отчаянии, мне страшно стыдно! Я вам обещала быть здесь с утра. Меня так глупо задержали, пришла белошвейка. Но мы наверстаем потерянное время!.. Скажите: это решено – вы едете с нами в Турень? Мы рассчитываем на вас. Я вас увожу в моем автомобиле в будущий вторник.

Жильберта Герлиз сделала вид, что она в страшном огорчении.

– Дорогая моя, я в отчаянии. Это невозможно. Вы знаете, моя кузина раньше приглашала меня в Фонтенбло... она так настаивала, что я ей окончательно обещала... вот только вчера... Существуют, увы, родственные отношения... Я только что говорила об этом господину Клоду Меркеру. Я должна ехать послезавтра.

Она еще раз взглянула на него и прочла в его глазах радость и благодарность. Она чуть заметно, но весело и ласково улыбнулась. Он простился и вышел. Как и при появлении его, в теснившейся вокруг него толпе шептали: «Клод Меркер!.. Это Клод Меркер!..»

Он в первый раз, с тех пор как придумал это замещение и с таким мастерством проводил его в жизнь, увидел обратную сторону его. Его сразу охватило жгучее, мучительное чувство: тут были и ревность, и унижение, и возмущение... Он побледнел.

Экипаж ждал его перед министерством. Рауль Бержан отослал его и большими шагами пошел на остров Сен-Луи, где подлинный Клод Меркер, тот, кого он только замещал, ждал его.

Бержан шел долго, чтобы успокоиться от новых чувств, волновавших его... Он так был погружен в свои мысли, так боролся с противоречивыми чувствами, охватившими его, что шел вдоль реки, совершенно не отдавая отчета, где находится. И вдруг увидел, что дошел до Аустерлицкого моста; он перешел его и левым берегом, по набережной Сен-Бернар, добрался до острова Сен-Луи, через мост де-ля Турнель. Наступали сумерки.

Три дня играл он роль Меркера, и теперь тот, читая, ждал его. Увидя вновь этого человека, который был реальной величиной, тогда как он был его тенью – Бержан, без сомнения, еще более остро почувствовал всю горечь только что появившейся в нем зависти. Но, во всяком случае, он сумел скрыть ее. Он снова всецело поддался авторитету Меркера. Он своим обычным фамильярно-почтительным тоном доверенного чиновника, делающего доклад, рассказал Меркеру, что он делал за эти три дня, когда был на его месте, и какие новости были ему сообщены.

Меркер внимательно слушал его, прерывая время от времени то каким-нибудь вопросом, то замечанием.

– Я совсем забыл, дорогой мой Бержан. Я должен вам сделать небольшое замечание. В сегодняшних утренних газетах опять говорят о моем остроумии... Оказывается, я был очень остроумен на приеме третьего дня в городской думе... Что вы им там наговорили? Пожалуйста, не забывайте советов моего друга Вотье... Не надо об этом, – продолжал он, останавливая рукою Бержана, чтобы тот не отвечал. – Только не забудьте, что у меня совсем нет репутации светского человека... А что это за благотворительный базар, о котором вы не рассказали мне?

– Я только что хотел рассказать, – ответил Бержан. – Я только что оттуда. Вас очень благодарил госпожа Деллагерс. Она сказала, что ее муж – председатель совета – сегодня уже не так страдает от астмы; госпожа В она просит вашей протекции для своего юного племянника... Он хочет идти по дипломатической дороге... Она напоминала вам об ордене, обещанном ее зятю... Она была очень интересна. Вы купили у нее, за сто франков, вот эту гравюру.

– Но ведь она ужасна, – сказал Меркер.

– А у госпожи Герлиз вы купили вот этот портсигар... Изменился ли голос Бержана, когда он говорил о госпоже

Герлиз, или Меркер, услышав ее имя, очень взволновался – только между ними пробежало что-то, какое-то мгновенное ощущение, непреодолимое, неуловимое, но оно с быстротой молнии осветило их взаимную враждебность.

– Госпожа Лаландель приехала очень поздно, – продолжал Бержан, – она поздравила вас, что вы зажали рот – собственное ее выражение – Фраппелю. Она была в публике... Вот, кажется, и все... Ах, забыл! По данному мне указанию, вы заявили разным лицам, что после открытия памятника в Оксере, вы уедете на несколько дней в окрестности Фонтенбло. Когда же ехать?

– Очень скоро. Это выходит как-то чрезмерно странно: не давать себе ни минуты отдыха. Над моей неистовой работой уже смеются. Но благодаря вам этот отдых, впрочем, довольно относительный, так как и за городом ко мне будут приставать не меньше, чем в Париже, мне даст здесь неделю полной свободы. Хотя это, пожалуй, и не совсем осторожно. Может случиться какая-нибудь неожиданность, или, если – это невероятно, но все-таки... если вы вдруг там заболаете...

– У меня прекрасное здоровье, – живо прервал его Бержан, – и всегда хватит сил уехать по железной дороге или в автомобиле, вернуться сюда и стать Бержаном. Точно так же я поступлю, если случится что-нибудь неожиданное, как это и бывало два или три раза. Мне будет это несколько не труднее сделать в Фонтенбло, чем в Париже.

– Ну конечно. Все же признаюсь вам, что провести несколько дней на лоне природы, меня очень соблазняет, сам не знаю почему. И если бы у меня не было столько работы... Но это невозможно!

Меркер встал. Он вышел в соседнюю комнату, в несколько минут переоделся и стер краску с усов.

Бержан в это время принял тот облик, с которым только что расстался Меркер.

– До субботы, – сказал ему Меркер. – Завтра у меня заседание, послезавтра запрос в парламенте. Эти два дня я сам должен быть там...

Меркер быстро вышел. Он перешел через мост и на углу Сен-Жерменского бульвара подзвал извозчика и сказал свой адрес. На него напало раздумье. Какое-то глухое раздражение, причины которого он не мог уяснить себе, волновало его. Вдруг он понял, что это раздражение вызывается Бержаном. В нем зародилась злоба на этого человека, который так часто и с таким успехом изображал его самого. Значит, так просто быть Меркером, если какой-то провинциальный ничтожный чиновник мог так легко заменять его. Конечно, здесь необходимым условием было их необыкновенное физическое сходство, но ведь не в физическом же облике заключалась сильная индивидуальность Клода Меркера?

Он закурил папиросу и, обиженный, оскорбленный и униженный тем, что так легко было заменить его, стал размышлять о тщете славы.

Глава V Любовь

В этот вечер Рауль Бержан одевался с особенным вниманием в нарядной спальне своего номера, который он занимал в одном из роскошных отелей. Он, с наивностью юнца, желающего нравиться и думающего, что хорошо завязанный галстук и тщательная прическа могут повлиять на любимую женщину, долго стоял перед зеркалом: если бы Клод Меркер узнал про это – он нашел бы его смешным. Так, по крайней мере, подумал Бержан, надевая смокинг. Правда, что наряду с этим он подумал, и не без раздражения, что мнение Клода Меркера не имеет для него никакого значения.

Вот уже неделю, что он в Фонтенбло – в роли Клода Меркера. Он видит Жильберту Герлиз каждый день и часто по два раза в день, потому что кроме их встреч у кухни Жильберты, госпожи Демази, с восторгом принимавшей этого великого человека, он часто встречал Жильберту и случайно; эти случаи были так приятны и так часто повторялись, что, вероятно, тут помогал кто-то из них обоих, а может быть, помогали и оба.

Теперь он любил Жильберту очень глубоко, той любовью, которая дает и наслаждение, и страдание; он даже и не пытался бороться с нею – так непобедима казалась ему эта привязанность. Он не смел сделать до сих пор прямого признания Жильберте, не смел молить ее об ответе, но до отъезда оставалось только два дня, и он знал, что не уедет из Фонтенбло, не поговорив с ней.

Он вышел из дому в половине седьмого, чтобы идти к госпоже Демази, дававшей в этот день обед в его честь. Она с торжествующей настойчивостью преподносила его всем своим знакомым. Она приглашала нарочно из Парижа друзей, чтобы показать им, насколько близка она со знаменитым государственным деятелем. Бержан подчинялся этому с такой охотой, которую Клод Меркер в продолжение всей своей карьеры не выказывал никому; но Бержан и не на то был бы готов ради сближения с Жильбертой. Все находили, что Клод Меркер сделался проще, не такой далекий и холодный, как прежде, стал любить светские удовольствия. Бержан несколько не заботился о том, что в этом случае он подводил человека, роль которого играл.

Впрочем, у него лично не было той высокомерной суровости, с какою Меркер до их договора защищал свое время. Он любил общество, придавал значение большому свету, был очень счастлив, когда мог появляться в нем, как всемогущий человек, окруженный восхищением и приветствиями, он – бедный провинциальный чиновник, знавший только обеды в трактирчиках да тоскливые вечера дома, когда ему становились противны ничтожные прелести местных кабачков и он укрывался в своем одиноком жилище, отупевший от скуки и от несбыточных желаний.

У госпожи Демази было в этот вечер человек двенадцать, среди которых старый товарищ Меркера по колледжу, Буфремон. Он сам, без всякой церемонии, выпросил у Жильберты честь быть приглашенным на обед. Он надеялся воспользоваться этим интимным собранием, где его знаменитый друг будет, конечно, доступнее, чем в другом месте, чтобы добиться красной розетки, которую он жаждал все более и более страстно, безрассудно, почти болезненно.

После обеда, как только все перешли в салон, он ловкими и смелыми приемами завлек министра в один из уголков... После нескольких банальных фраз и восхищения он сделал сначала несколько туманных намеков, затем заговорил о своем желании уже яснее. Бержан, всегда склонный к шутке, притворился, что не понимает его. Буфремон стал настойчивее и, придя в отчаяние при виде, что у него уплывает этот знак отличия, без которого жизнь для него не имела никакой прелести, решил действовать прямо. У него на лбу выступил пот; он так дрожал от волнения, что не мог говорить, не мог связно сказать несколько фраз и мешал товарищеское «ты» с торжественными формулами официальной вежливости; он говорил об увенчании его

карьеру, о жене, об услугах, которые он мог бы оказать, если бы увидел поощрение, о правах дружбы, идущей с тех счастливых дней, когда они сидели бок о бок на школьной скамье... Да! Эта детская дружба одна только настоящая и вечная!.. И он с гордостью напомнил, как Меркер хватил его кулаком в глаз, когда они были в шестом классе. Он долго говорил по поводу красной розетки, затем снова вспомнил жену, детей, которые так бы гордились...

Раздраженный Бержан вдруг вспомнил обычную фразу Меркера и сухим, как у того, голосом сказал:

– Мы поговорим об этом. – И повернул ему спину.

Несчастный Буфремон, отлично знавший смысл этих слов, был совсем убит; он ведь уже думал, что добился своего...

А Бержан, в ту же минуту как несчастный отошел от него, увидел возле себя Жильберту. Она удивленно смотрела на него.

– О! Какой жестокий тон! – сказала она. – Я едва узнала ваш голос. Это голос министра? Ведь так?

Он немного покраснел и, смущенный – как всегда в присутствии этой женщины, нашел сказать ей только:

– Я не знал, что вы слышите меня... – И после минутного молчания прибавил, стараясь улыбнуться: – Здесь нет министра. Перед вами просто человек, который... – Он не окончил фразы.

– Да, – сказала Жильберта, – спросите-ка несчастного Буфремона, он так умолял вас... спросите его: есть ли здесь всемогущий министр?..

Бержан пожал плечами:

– Он настаивает на получении того, что по справедливости нельзя дать ему.

– Боже мой! – сказала она. – Я, кажется, знаю, чего он просит, и, право, это было бы благодеянием! Он, конечно, заболеет, если не получит... Я очень дружна с его женой и горячо люблю ее... И знаете: когда несправедливость никого не обижает, а, напротив, может доставить только радость... то она, по-моему, извинительна.

– Ну, так это будет исполнено! – сказал он, совершенно забывая, что распоряжается властью, не принадлежащей ему. – Будет исполнено, потому что вы желаете этого... Я очень счастлив.

Он так откровенно радовался возможности повиноваться и служить ей, доказать ей, какую власть она имела над ним, что Жильберта покраснела и не знала, что ответить ему.

Он же, без всякого перехода, сказал ей тихо:

– Я уезжаю послезавтра... Вы знаете... Вы тоже возвращаетесь в Париж... Мне надо поговорить с вами раньше... Надо видеть вас одну... Можно завтра? Пожалуйста! Я должен поговорить с вами...

Она опустила глаза и ответила очень тихо:

– Хорошо... Приходите сюда в три часа. Я знаю, что кухни не будет дома.

И, отходя, она взглянула на него. Он взглянул также, и оба затрепетали. И оба уже знали, что завтрашнее свидание не скажет им ничего нового. И все-таки они с бьющимся сердцем думали о нем все время, пока оно не состоялось.

Когда на другой день Бержан позвонил у решетки виллы госпожи Демази и старик-слуга, отворивший ему дверь, скрылся, он увидел на крыльце дома Жильберту. Она легко и грациозно сошла с лестницы и двинулась к нему навстречу.

– Останемся в саду, хотите? – сказала она не очень уверенным голосом.

Он сам страшно волновался; горло у него сжималось, руки дрожали. Они прошли прямо в аллею.

Это был громадный запущенный сад. Перед домом, среди цветочных кустов, был пруд, на котором плавали лебеди. Между зелеными кустами белели статуи. Дальше шли большие дере-

вья, темнели заросшие травой аллеи между пышными кустами жасминов. Утром шел дождь; на ветвях еще дрожали капли, но апрельский день, весь насыщенный влагой и знойным солнцем, был теплый, как летом.

Жильберта и Рауль шли рядом, молча, прямо в пустынную тень аллей. Какая-то сила, подчинявшая себе волю, овладела Бержаном. Он ясно видел все безумие своих поступков, видел, в какую пропасть страдания, разочарования и унижения бросается он по собственной воле; но он знал также, что никакая власть в мире не может помешать ему сказать ей, что он любит ее... Но он еще колебался... Его удерживала только одна боязнь: дать ей страдания... когда-нибудь позже... когда узнает... потому что возможно ли, чтобы она не узнала? Но она была здесь, рядом с ним, она уже была его, потому что она уже любила его, он не сомневался в этом. Весь мир, вся жизнь сосредоточивались для него в настоящем мгновении, во властном чувстве страсти, в гордом упоении ожиданием ее признания в любви.

Жильберта видела, как он волновался. Приписывая это единственной причине, какую она только и могла допустить, она была трогательно взволнована. Эта скромность у такого человека являлась самым ярким доказательством его любви к ней.

Он заговорил вполголоса, отрывисто, не смея взглянуть на нее:

– Вы знаете, зачем я попросил вас прийти на это свидание?.. Ведь знаете? Да?

И, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Я очень смущен... А не привык смущаться. Простите меня... Вот я не нахожу слов, которые хотел сказать вам. При вас я совершенно не узнаю себя... Я теряюсь... Вы меня подавляете... Я совсем не умею владеть собой. Вы должны находить меня очень комичным, вот теперь, когда я иду рядом с вами и молчу. А ведь, клянусь вам, когда я один и, думая о вас, осмеливаюсь говорить с вами – я нахожу очень красноречивые слова... А сейчас я точно застенчивый ребенок. Скажите: можно ли мне говорить? Вы знаете, что я хочу вам сказать. Если вам неприятно – запретите мне говорить... ради вас, ради меня...

Они остановились около густой купы кустов. Она подняла глаза. И он увидел тот же взгляд, который поймал накануне. Он забыл и Меркера, и Бержана. Был только мужчина, лицом к лицу с женщиной.

– Я люблю вас, Жильберта, – сказал он глухим от волнения голосом. – Я люблю вас всеми силами, люблю вас так, что без вас жизнь не может иметь никакого смысла. Я вас люблю.

Она прямо стояла перед ним, вся залитая влажным, мягким светом. Никогда еще не видал он ее такой красивой. Она не отвела от него своих светлых глаз, но легкий румянец покрыл ее щеки, и грудь стала подниматься все быстрее и быстрее.

– Я тоже люблю вас, – просто сказала она.

– Значит, вы согласны разделить со мною жизнь, – пробормотал он, весь дрожа от радости.

– Да! Я прежде не знала вас. Теперь – знаю и люблю вас.

– Я полюбил вас с первого дня, как увидел...

Она весело улыбнулась:

– И так долго ждали, чтобы сказать мне?

– Долго?! Но...

– Прошло по крайней мере пять-шесть лет с тех пор, как мы с вами встретились в первый раз. Я не говорю, что мы были знакомы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.